

Наталья
Ухедин

Жизнь
РАСЦВЕТАЮЩЕГО
ПОМЕСТЬЯ

Хозяйка поместья

Наталья Шнейдер

Хозяйка расцветающего поместья

«Автор»

2025

Шнейдер Н.

Хозяйка расцветающего поместья / Н. Шнейдер — «Автор»,
2025 — (Хозяйка поместья)

Я оказалась в другом мире. Человек, который называет себя моим мужем, оставил мне старый дом, клочок земли и настаивает на разводе. Пусть катится! Дом приведу в порядок, займусь огородом и... Эй! Что значит «я передумал»?!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	21
Глава 6	25
Глава 7	29
Глава 8	33
Глава 9	37
Глава 10	41
Глава 11	45
Глава 12	49
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Наталья Шнейдер

Хозяйка расцветающего поместья

Глава 1

В ушах звенел десяток цикад, постель подо мной то проваливалась, то поднималась, а то и вовсе начинала крутиться, как взбесившаяся карусель, вызывая у меня приступ тошноты. Все же я попыталась открыть глаза и едва не разревелась.

Другой мир и люди, в нем обитавшие, оказались бредом, а я по-прежнему в реанимации, вон стены светло-голубого кафеля, а что их едва можно разглядеть – так это не полумрак, разгоняемый свечами, а у меня в глазах темнеет.

– Дуня, иди, ты все равно ничем не поможешь, – прозвучал голос, обладатель которого, как и Дуня, совершенно точно не мог здесь находиться.

– Воля ваша, барин, но все же дозвоьте мне с Настасьей Палной остаться. А то очнется, голубушка, а рядом ни одной родной души.

Виктор неразборчиво хмыкнул.

Стоп.

Это не кафель. Это шелковые обои на стене. А полумрак – потому что свечи.

Я обмякла, шумно выдохнув.

– Настасья Пална!

– Настенька! Слава богу, ты очнулась!

Две головы склонились надо мной, заслоняя и без того невеликий свет.

– Живой! – обрадовалась я.

– Да что со мной сделается, – проворчал муж, но мне показалось, что моя искренняя радость удивила его. – Дуня, иди за сладким чаем. Скажи кухарке, меда не меньше полстакана на стакан чая.

– Не надо этот сироп, меня и так тошнит, – простонала я.

– Ты будешь пить чай и есть конфеты, чтобы быстрее восстановиться. Или я запихну их в тебя силой.

– Только попробуй!

От возмущения я даже забыла, как мне плохо, и резко села – чтобы тут же, зажав ладонью рот, повалиться на бок. Не знаю, каким чудом мне удалось справиться с приступом тошноты. Но, едва он унялся, Виктор сел на край кровати, приподнял меня, прижимая к себе. Пришлось снова глубоко дышать, пока я не смогла раскрыть рот не боясь, что меня прямо сейчас вывернет.

– Если ты меня не отпустишь, я испачкаю твою белоснежную рубаху.

Рубаху, а не халат. Он куда-то выходил?

На самом деле я совсем не хотела, чтобы Виктор меня выпускал: рядом с ним было тепло и надежно, несмотря на тошноту.

– Ничего, прачка выстирает, – хмыкнул он. – Настя-Настя, как же ты меня напугала...

– Это ты меня напугал! – возмутилась я. – Хорошо, что этот урод промазал.

Муж потер грудь.

– Он не промазал.

– Что? – У меня даже голова перестала кружиться. – Ты ранен? И возишься со мной, вместо того чтобы лечиться самому?! Покажи немедленно!

– Я не ранен, и от синяков еще никто не умирал. В отличие от магического истощения.

– Не дождешься, – фыркнула я. – Оставить тебя молодым, богатым и свободным на радость всяким там посторонним барышням?

Я прислонилась к его груди и тут же выпрямилась, почувствовав, как он вздрогнул.

– Как ты можешь быть не ранен, если он не промахнулся? – Тошнота тоже куда-то делась, и в ушах перестало звенеть. – Показывай немедленно, что с тобой!

Волосы на затылке начинали шевелиться при мысли о возможном проникающем ранении грудной клетки в условиях местной медицины. Ни нормальной хирургии, ни ИВЛ, ни антибиотиков!

– Синяк. – Виктор вздохнул. Притянул меня к плечу, погладил по волосам. – Твой щит замедлил пулю, а потом она ударила в пуговицу, и этой пуговицы хватило, чтобы ее остановить.

– Покажи, – настаивала я. – А то знаю я вас, мужчин, к врачу пойдете, только когда копье, торчащее из спины, мешает переворачиваться в кровати!

– Когда это ты успела узнать «нас»? – Виктор отодвинулся, заглядывая мне в лицо.

– Наблюдая за живой природой, – не смутилась я. – Вот хоть на себя посмотри. Так сложно задрать рубаху?

– Ты – не врач.

Я скрипнула зубами, глотая ругательство. Я врач с двадцатилетним стажем, но в этом идиотском мире даже диплом подтвердить не могу! Никто не поверит моим знаниям – они слишком отличаются от здешних. С таким же успехом можно объяснять Ньютону основы квантовой механики.

Если женщин здесь вообще допускают в университеты. В нашем мире, помнится, с этим была большая проблема.

– И одного наблюдения недостаточно для выводов, – продолжал Виктор.

– У меня батюшка был перед глазами много лет. Пока матушка его в ежовых...

Я осеклась. Виктор уж точно не из тех, кто позволит жене держать себя в ежовых рукавицах.

– Я не твой батюшка. – В его голосе прорезалось раздражение. – Мне не нужна жена, которая будет контролировать каждый мой шаг.

«А может быть, тебе вообще жена не нужна?» – чудом не сорвалось у меня с языка.

– Я вполне способен сам разобраться со своими делами и со своим здоровьем и не намерен потакать твоему любопытству.

– Это не любопытство! Я беспокоюсь о тебе! – возмутилась я.

– Иван Михайлович меня осмотрел, заверил, что кости не сломаны, и назначил свинцовую примочку для скорейшего рассасывания синяка. Беспокоиться не о чем.

Похоже, действительно не о чем: будь рана серьезной, примочкой бы не ограничилось. Хоть что-то хорошее.

– Хотя, если бы ты действительно обо мне беспокоилась, не давала бы повода для волнений, как сегодня. Какого лешего... Чего тебя понесло в сад на ночь глядя?

– Ничего не на ночь, девяти еще не было! И не вали с больной головы на здоровую! Почему в твоём саду шастает кто попало как у себя дома?

– Ты меня спрашиваешь? – возмутился он. – Это я должен спросить, почему в моем саду шастают твои... поклонники!

Слишком уж многозначительной была пауза, а мое самочувствие – слишком плохим, чтобы держать себя в руках.

– Ты хотел сказать «любовники»? – взвилась я. – Да как ты вообще смеешь ревновать меня к этому... недоразумению!

– А что, повода не было? – огрызнулся муж.

– Думаешь, у меня настолько плохой вкус, чтобы увлечься этим павлином с гипертрофированным эго?!

– Откуда мне знать про твои вкусы? К тому же...

– Хотя бы оттуда, что я вышла за тебя замуж! Ты всерьез думаешь, что можно есть с помойки после приличного ресторана?!

Какая-то часть сознания понимала, что я веду себя как базарная баба, и требовала немедленно взять себя в руки. Другая желала сейчас же пустить в ход кулаки, возмущенная неблагодарностью. Я тут из-за него чуть не окочурилась, а он меня крайней сделал!

– Настя, что ты несешь?! При чем здесь рестораны? Ты должна была оскорбиться одного подозрения, не обсуждая даже возможности...

– Ага. Ж... – место есть, а слова нет? Может, если бы с самого начала мы говорили словами через рот, до такого вообще не дошло бы!

Не из-за него. Муж не просил себя защищать, и вообще защищал меня. Но успокоиться все равно не получалось: поди тут успокойся, когда на тебя едва не кричат!

– Я говорил, что ты ведешь себя нескромно! Что мне не нравится эта новая мода! Что мне не нравятся сплетни вокруг тебя. Что я услышал в ответ?

– Что на всякий роток не накинешь платок, а платье я надеваю на себя, а не на тебя? – предположила я.

– Именно.

Похоже, с прежней Настенькой у нас все же было что-то общее. Хотя, наверное, так и должно быть, не просто же так меня перекинуло в нее, а не в какую-нибудь почтенную матрону.

– И откровенных платьев с глупыми сплетнями тебе хватило, чтобы подать на развод?! – возмутилась я, как, наверное, возмутилась и она.

– Считаешь, того, что твое, и мое, между прочим, имя треплют по гостиним – этого мало?

– Почему я должна отвечать за чужие длинные языки!

– Потому что это стало последней каплей! – взорвался Виктор. – Я устал от твоих капризов, перемен настроения и скандалов! Не начинай снова!

– Я начинаю? Это ты обвинил меня в том, что какой-то муд... мудрейший среди ослов влез в твой сад! Хотя это я должна спрашивать, почему ночью в нем нет хотя бы сторожа, не говоря о магии.

– Ты сама сказала, что еще не ночь!

В дверь осторожно постучали.

– Да! – рывкнули мы в один голос.

За дверью что-то звякнуло, потом раздался жалобный голос Дуни:

– Я конфет принесла... И чаю.

Я хотела было сказать, что не буду пить сироп – взбодрилась уже, спасибо мужу, но тот меня опередил.

– Заходи. Оставь здесь, дальше я сам позабочусь о жене.

Не надо мне твоей заботы, сыта по горло! – Не знаю, каким чудом мне удалось не сказать это вслух. Какая разница, в конце концов, станет Дуня свидетельницей скандала или нет. Наши крики наверняка полдома слышало. И вся местная прислуга в очередной раз убедилась, что молодая барыня – истеричка, которая только и делает, что на хозяина «лается».

Я попыталась взять себя в руки. Но даже тихого звука, с которым Дуня прикрыла за собой дверь, хватило, чтобы захотеть запустить подушкой с воплем «шастают тут!».

От греха подальше я сунула подушку под себя. Поняла, как это может выглядеть со стороны, и едва не запустила второй подушкой, чтобы не глазели тут всякие.

Пришлось и ее запихнуть к первой.

Виктор повернулся ко мне. Если он и удивился месту, где оказались подушки, то и бровью не повел. На подносе стоял чайничек на пару чашек, стакан в серебристом подстаканнике – ну

прямо как в поезде! – и глубокая миска, наполненная какими-то красно-коричневыми шариками.

Пока муж нес поднос к чайному столику, я попыталась слезть с кровати. Запрусь в уборной, вылью на себя ведро остывшей воды, проорусь, может, легче станет. По крайней мере, медным тазам от моих воплей и швыряний ничего не сделается, в отличие от живых людей.

– Ляг немедленно, если не хочешь, чтобы я влил в тебя лауданум, – сказал Виктор, не оборачиваясь.

Зажурчал чайник.

– Что, горшок мне держать будешь? – огрызнулась я. Вот же з-з-заботник!

– Дуню позову, если нужно.

– Спасибо, я сама справлюсь, – сказала я, с трудом сдерживаясь, чтобы не заорать снова.

– Сомневаюсь. Не хватало еще, чтобы ты опять упала в обморок и разбила себе чего-нибудь.

Он выпрямился, разворачиваясь ко мне.

– Я должен извиниться. Повышенная раздражительность – один из признаков магического истощения. Мне нужно было помнить об этом.

Щеки обожгло стыдом.

– Прости, я...

– Не стоит. Помнится, я в таком состоянии вызвал на дуэль собственного дядю.

– И что? – испугалась я.

– Секунданты предложили помириться, как и полагается. Я извинился, поединок не состоялся.

Он подхватил со стола поднос, на котором сейчас стояли стакан с чаем и все та же мисочка.

– Мне тоже нужно было подумать, что, увидев то, что ты увидел, трудно поверить в мою невиновность.

– Ешь конфеты. – Муж мягко улыбнулся. – Здесь нет секундантов, которые бы предложили помириться, но, думаю, мы и без них справимся.

– Справимся, конечно. – Я расплылась в ответной улыбке.

Осторожно раскусила один шарик. А интересно. Кисло-сладкое, с ореховым и сливочным привкусом и пряными нотками.

– Что это?

– Конфеты, восстанавливающие магические силы.

Магия! Только сейчас я вспомнила о ней. Собралась было потянуться, но Виктор сказал неожиданно жестко:

– Не вздумай даже попробовать коснуться магии! Ни сегодня, ни завтра. Если не хочешь лишиться ее насовсем, а то и вовсе отправиться к праотцам.

Глава 2

– Не буду даже думать о магии, – согласилась я. В конце концов, муж наверняка понимает в этом больше меня. Хотя я и прожила почти всю жизнь без магии, лишиться ее не хотелось бы. Снова откусила конфету. – Очень вкусно. Из чего это?

– Рецепт спросишь у Дарьи или у Жана. Все, что я знаю: мед, клюква, лимон, масло на орехах и немного имбиря и корицы.

– Спрошу. – Я поколебалась, стоит ли возвращаться к исчерпанной вроде теме, но все же сказала: – Ты меня защитил от этого паразита, а вместо благодарности я на тебя наорала. Прости меня.

– Не за что. – Виктор помолчал. – Даже если раньше я и сомневался, после того, что увидел сегодня, я совершенно убежден в твоей верности. И телесной, и духовной. В конце концов ты закрывала щитом меня, хотя одному Господу ведомо, где ты могла этому научиться.

– Ну это же логично, – пожала плечами я. – Моя магия – электричество...

Я осеклась. Моя магия – электричество, значит, может создать электромагнитное поле, которое способно оттолкнуть свинцовую пулю или хотя бы замедлить ее. По крайней мере, в теории. Но я даже самой себе не смогу объяснить, почему я была в этом уверена, и уж тем более не смогла бы рассчитать такое взаимодействие: институтский курс физики давно выветрился у меня из головы. А уж если я попытаюсь объяснить это вслух, путаясь в терминах своего мира, не только Евгений Петрович, но и милейший Иван Михайлович решит, что я брежу.

– Молния, – сказал Виктор. – Твоя магия – молния. Хотя это действительно электричество, в магии все же пользуются названиями стихий, а не физических явлений.

– Да какая разница. Главное, что она могла бы задержать пулю. Или расплавить. Неважно. Я очень испугалась, в таком состоянии в голову может прийти что угодно. Хорошо, что получилось.

– Хорошо, – согласился он. – Замедлить пулю, – он улыбнулся, взъерошил мне волосы, – не расплавив при этом меня. И хорошо, что ты не безвозвратно навредила себе. Бери еще конфет. Сколько можешь съесть и чуть больше.

Виктор замолчал, с умилением наблюдая, как я уминаю сласти.

– Как ты узнал, что мне нужна помощь? – спросила я.

– Я не знал. Увидел яркий свет во дворе. Слишком яркий. Выглянул в окно, увидел тебя с фонарем, понял, что нужно это остановить, пока не поздно.

– Почему? – изумилась я. – Разве запрещено освещать электричеством... магией молнии?

– Электричеством... – задумчиво повторил Виктор. – Теперь понятно.

Мне-то совершенно ничего было не понятно.

– Магические световые шары разрешено использовать только для освещения дворца, садов и путей коронованных особ. Как их создать – тайна одной семьи, члены которой уже несколько веков – бессменные дворцовые фонарщики. Они берегут эту тайну, потому что, если она станет известна всем...

– Они потеряют свое влияние на корону, – закончила за него я. – Что ж, цари на то и цари, что владеют тем, что недоступно простым смертным.

Виктор кивнул.

– Именно. Поэтому, даже если кто-то и догадался, как ты, свои догадки предпочитает держать при себе. Может быть, использует дома – мне бы пригодился такой свет, писать при нем гораздо проще. Но не при гостях. И тем более не на улице.

– Поняла.

Значит, с идеей магических фар на каретах придется попрощаться. Может, оно и к лучшему. Но все же какая жалость, что я не универсальный гений, как все порядочные попаданцы, и не могу объяснить мужу ни принцип батареи, ни как сделать лампочку. Утер бы нос этим типам с коммерческой тайной, и, главное, не придерешься – никакой магии.

– Надеюсь, что действительно поняла, – не унимался муж. – Это опасно. По-настоящему опасно. Был такой профессор Петров, который сделал, как он это называл, электрический свет и описал это в книге пару лет назад. Исполинская батарея...

Батарея? Только сейчас до меня дошло, что Виктор спокойно отнесся к упоминанию электричества, воистину, это магическое истощение плохо влияет на голову. Но, раз есть батарея и электричество...

– Два угольных стержня, между которыми прямо в воздухе возникал ослепительный свет, – продолжал муж. – Еще он описал, что такой свет может расплавить тонкие пластинки металла, и много чего еще, в общей сложности страниц на двести. Через несколько месяцев после выхода книги его нашли мертвым рядом с его устройством. На ладони осталось обугленное пятно.

Я охнула, поняв, к чему он клонит.

– Решили, что его убило собственное изобретение, опыты объявили опасными, книгу запретили, непроданные экземпляры уничтожили. Но теперь, после того как ты упомянула электрическую природу молнии, я задумался.

– Ясно, – медленно произнесла я. Вспомнила еще кое-что. – Но Аглая видела. И Петр. Слуги пойдут болтать...

– Слуги будут болтать об очередной ссоре господ и о том, как в барина стреляли, а стрелявший сбежал. Так что, по сравнению с переполохом сегодняшнего вечера, любой странный свет – сущие мелочи.

– Сбежал!

– Ты упала, мы с Петром бросились к тебе, и Зайков этим воспользовался.

Я тихонько выдохнула – пока Виктор рассказывал, как было дело, я успела испугаться, что он убил горе-любовника. Это только в романах красиво звучит – «отомстил за честь жены», а в реальности убийство все равно остается убийством, и ничего хорошего в этом нет.

– Ты рада? – сдвинул брови Виктор.

– Я рада, что ты не взял греха на душу. – Я погладила его по руке. – Зайков допрыгается рано или поздно, с его-то замашками.

Муж вздохнул.

– Когда я увидел свет, надо было бежать как был, в халате, но я решил одеться...

Вот почему он в рубаше, и вот откуда пуговица, остановившая пулю.

– И хорошо, что ты оделся, на халате нет пуговиц, и синяком бы ты не отделался! – воскликнула я.

– Если бы я не потерял время, ничего бы не случилось. Зайков бы не посмел приблизиться к тебе, если бы увидел, что я рядом.

– О чем ты! Он посмел в тебя выстрелить, не то что подойти!

Муж покачал головой.

– Этот выстрел явно был не обдуманным действием, а душевным порывом. Он бы не сделал этого, если бы не был зол и напуган.

Может, он и прав. Покушение на убийство при свидетелях – для этого нужно быть типом, которому сам черт не брат, Зайков, при всех его недостатках, на полного отморозка не походил.

– Поэтому я и думаю, что, если бы выбежал как есть, все было бы по-другому. – Виктор помолчал. – Пока я одевался, свет погас, но я решил все же выйти, встретить тебя, чтобы ты не переломала ноги в темноте. Услышал голоса в глубине сада и понял, что надо поторопиться. Дальше ты все видела.

– Много ты услышал? – любопытствовала я.

Виктор улыбнулся.

– Про павлина с хроническим воспалением самолюбия. Твоя речь стала удивительно образной. Похоже, ты и в самом деле коротала время выздоровления за научными журналами. Кстати, что такое атрофия, и при чем тут кора?

– Нарушение питания. От которого у него мозги окорели. – Я поспешно сменила тему: – Это же додуматься надо – влезть в чужой сад, чтобы подкараулить женщину, которая его знать не желает. Когда мы наведемся к исправнику?

– Мы не пойдем к исправнику.

На пару мгновений я лишилась дара речи.

– Но почему? Он стрелял в тебя и только чудом не убил! Это же самое настоящее преступление!

– Мы не пойдем к исправнику, – с нажимом повторил Виктор. – Я не хочу, чтобы тебе снова перемывали кости в каждой гостиной.

– Но я-то знаю, что ни в чем не виновата! И ты знаешь!

– Это неважно. Твоя репутация и так подмочена, а еще один скандал ее добьет. Тебя не примут ни в одном доме, и...

– И это похоронит и твою карьеру? – уточнила я.

Мне-то на сплетни... Нет, пожалуй, что не плевать. Если я хочу вести дела с соседями. Если у нас с мужем будут дети, им нужно будет обеспечивать будущее. Так что я не могу себе позволить наплевать на репутацию. Виктор тем более не может.

И Зайков наверняка это знал. Пропади оно все пропадом!

– Я не служу и не собираюсь служить, поэтому о карьере могу не думать, – сказал Виктор. – И все же исправнику заявлять незачем.

– Но он стрелял в тебя! Нельзя же так это и оставить! К тому же, слуги все равно будут болтать...

– Обращать внимание на болтовню слуг считается дурным тоном. Не беспокойся, я со всем разберусь. – Виктор улыбнулся.

Не понравилась мне эта улыбка. А он забрал у меня из рук опустевший стакан и мисочку с остатками конфет и, точно специально – да что там, наверняка специально! – отвернулся, чтобы отнести их на чайный столик.

– Что ты задумал? – встревожилась я.

– Неважно, – снова улыбнулся он. – Не забивай себе голову всякой ерундой.

– Ты только что говорил...

– Что я со всем разберусь. И я разберусь.

Сердце пропустило удар, а чай, кажется, только что разливавшийся теплом в желудке, словно разом заledenел.

– Ты его вызвал, – прошептала я.

– Еще нет. Был занят тобой, а посреди ночи такие письма не отправляют.

– Не надо! – только и смогла сказать я.

Виктор присел на край кровати, взял мои ладони в свои, заглянул мне в глаза.

– Настя. Иногда приходится просто делать то, что должен, и смиренно принимать последствия. Какими бы они ни были. – Он погладил мои пальцы. – Все мы в руках Божьих, и на все воля Его.

Я вцепилась в его пальцы так, будто он прямо сейчас собирался идти стреляться и я могла его удержать.

– Не успокаивает.

Он едва заметно улыбнулся.

– Знаешь, я даже рад, что все так обернулось. Теперь я совершенно точно уверен, что небезразличен тебе.

Я задрала голову, уставилась в потолок, глупо, по-детски пытаюсь удержать слезы.

– И я никак не смогу это остановить?

– Ты можешь молиться за меня.

– Вот спасибо, утешил! – Я все же не удержалась, шмыгнула носом. Муж, вздохнув, протянул меня к себе на колени.

– Еще ничего не случилось. Может, и не случится. – Он коснулся губами моих волос. – Может, Зайков в темноте свалится в канаву и свернет себе шею. Или от волнения упьется до смерти. Или подавится. – Виктор тихонько хмыкнул. – Или я споткнусь о порог.

– Не смей! – Я вскинула голову. – Не смей так говорить!

Виктор молча прижал меня к плечу, качнулся, баюкая, точно маленькую. А я плакала и плакала, пока слезы совершенно не изнурили меня, погрузив в беспокойный сон.

Подскочила я резко, будто от толчка. Но нет, меня никто не беспокоил.

Вторая подушка рядом с моей была примята – то ли я металась во сне, то ли Виктор спал рядом. Из-за закрытых штор в спальне было темно, не поймешь, который час. Я ругнулась. Почти на ощупь пробралась к окну, отодвинула тяжелый бархат занавесей. Сквозь шелк засияло солнце. Я выругалась снова, уже вслух – проспала! – и, как была, в ночной сорочке и босиком, помчалась в покои мужа. Василий вырос на пороге гостиной, промямлил что-то, дескать, барин не велел беспокоить. Я снесла его, даже не замедлившись. Сперва удостоверюсь, что муж еще дома. Потом буду расспрашивать, давно ли барин велел не беспокоить и где он сам.

Глава 3

Из-за двери раздался взрыв ругани. Я влетела туда, толкнув кого-то. Остановилась, шумно выдохнула, увидев широкоплечий силуэт против окна.

– Уже встала? – В голосе послышалась улыбка, но она не могла скрыть раздражения. Виктор обернулся. – Настя! Почему ты в таком виде?

В каком виде? Вполне скромная ночнушка, в пол, даже с рукавчиками. В моем мире сошла бы за летнее платьице: кружево, вышивка.

Виктор двинулся ко мне, на ходу снимая халат. Накинул его мне на плечи, укутывая.

– Вот так-то лучше. – Добавил, обращаясь к кому-то поверх моей головы: – Свободен.

Оборачиваться и смотреть я не стала. Взгляд сам собой приклеился к бинтам, плотно перематывающим грудь мужа.

– Синяк, значит, – с нажимом проговорила я. – Примочки, значит. Свинцовые.

– На коже синяк. А что под ней, ты не спрашивала. В любом случае дыры в кулак, которой ты боялась, нет, и примочки Иван Михайлович действительно назначил. Просто мне лень с ними возиться.

– Угу. – Это было единственным цензурным междометием, крутившимся у меня на языке.

Впрочем, повязка не казалась толстой, и, если бы она скрывала рану, отделяемое давно бы пропитало льняную ткань. Но бинты выглядели чистыми.

– А под кожей перелом?

– Васька проболтался? – проворчал муж.

Будто почуяв, что речь идет о нем, Василий жалобно протянул за дверью:

– Барин, я не пускал, как велено...

– Если уж подслушиваешь, то хотя бы не давай о себе знать, – фыркнул Виктор.

– Прощения просим, барин, – все так же из-за двери сказал лакей.

Виктор распахнул ее, и Василий ойкнул. Схватился за нос.

– Поделом, в следующий раз умнее будешь. Вроде и не дурак, а такую дурь творишь. Брысь с глаз моих, будешь нужен – позвоню.

Василий испарился, Виктор повернулся ко мне.

– Пойдем, я провожу тебя в твои покои.

– Я пока туда не собираюсь, – уперлась я. – Для начала я хочу знать, что еще кроме перелома ребер – сколько, кстати? – прячет эта повязка.

– Настя, это мое дело. Я вполне способен о себе позаботиться, а ты ведешь себя как клуша.

Я окончательно потеряла терпение.

– О да, ты прекрасно способен о себе позаботиться! Собирался стреляться с переломанными ребрами...

– Не волнуйся, к тому времени, как дело дойдет до дуэли, ребра заживут. Если она вообще состоится.

– ...Просто эталонный образчик заботы о себе, хоть сейчас в палату мер и весов! – До меня дошел смысл последних слов. – Что? Он извинился?

– Он сбежал!

Так вот почему муж ругался как сапожник!

– Я с утра послал к Зайкову Алексея с письмом. – Виктор усмехнулся. – По правилам письменный вызов должен передавать секундانت, но этот хлыщ не заслужил, чтобы ради него будили ни свет ни заря почтенных людей. Дворецкий открыл, письмо взял, но сказал, что отдаст его барыне.

– Барыне? – переспросила я.

Он еще и женат?

– ...чтобы та передала племяннику, когда он вернется. Уехал затемно, куда – не сказался, но не в сторону столицы.

Я покачала головой, не зная, злиться мне или радоваться. Паршивец смылся, и неизвестно, когда и какой пакости от него теперь ждать. С другой стороны, для поединка нужны двое, и, пока Зайков шляется невесть где, мне можно не волноваться из-за грядущей дуэли.

– Я заподозрил, что Зайкова нет дома для меня и моих людей. Поэтому послал Алексея с письмом к Николаеву.

Я не стала переспрашивать, кто это, просто сделала себе очередную зарубку в памяти, чтобы потом записать.

– Попросил его быть моим секундантом и передать вызов Зайкову.

Похоже, этот самый Николаев – хороший друг Виктора, если он просит того стать его секундантом. Значит, и Настенька наверняка его неплохо знала.

– Тот примчался почти сразу же, как водится, попытался меня отговорить, особенно когда услышал про ребро.

– И я его понимаю, – не удержалась я.

– Настя, не начинай. С такими вещами надо разбираться до того, как все вокруг станут болтать, будто ты встречалась ночью в саду с любовником. Николаев согласился стать моим секундантом и поехал к Зайкову, как только стало приличным являться с визитом. Его радушно встретила хозяйка дома и долго жаловалась, что на племянника никакой управы нет. Рано утром без спроса забрал единственный выезд и отправился, не сказав ни куда, ни надолго ли. Бедная старушка не может даже съездить посплетничать с подругами.

– И что теперь? – спросила я.

– Теперь я займусь делами, а ты будешь восстанавливаться после магического истощения. Ни в коем случае не пользоваться магией, дремать, читать что-нибудь легкое и есть конфеты.

– Я не о том.

– Он сам скомпрометировал себя своим бегством. Николаев, при всех его достоинствах, страшный болтун.

– Он мог бежать не от тебя, а от правосудия, – предположила я. – Решил, что застрелил тебя, раз за ним не было погони, понял, что молчать я не стану. Тогда вряд ли объявится.

Виктор пожал плечами.

– Мне неинтересны его мотивы. Этот хлыщ едва не уничтожил твою репутацию своим враньем. Теперь моя очередь. Объявится в Рутении – получит вызов, устный или письменный. Объявится за границей – скоро и там все будут знать, что он сбежал, испугавшись получить вызов. И хватит о нем. Пойдем, я провожу тебя в твои покои, чтобы не смущать слуг твоим видом.

Короткий путь до моих покоев мы проделали молча. Я была слишком занята тем, чтобы не наступить на полы чересчур длинного для меня халата, и одновременно соображала, что делать с ребрами мужа. Когда я училась, нам рекомендовали их бинтовать. Лет через десять – наоборот. Пожалуй, не буду ничего делать. Моим медицинским знаниям Виктор не доверяет – и я его в этом понимаю – но, если я хоть немного успела его узнать, через пару дней повязка ему надоест и он сам ее разматывает.

Виктор зашел за мной в будуар, я скинула с плеч халат, чтобы вернуть его, но муж смотрел куда-то через мое плечо.

– Что это? – ошарашенно поинтересовался он.

Я обернулась, готовая к любой пакости. Но нет, будуар сиял чистотой, Дуня даже успела проветрить, и в комнате пахло свежестью. Я снова повернулась к мужу, проследила за его взглядом и расхохоталась.

На туалетном столике с зеркалом стояла винная бутылка, заткнутая пробкой. Вокруг нее, идеально дополняя натюрморт, расположились три оловянные стопки с крышечками из перевязанного бечевкой пергамента.

– Не обращай внимания, – сказала я, отсмеявшись. – Это моя уходовая косметика.

– Что, прости?

Я покачала бутылку.

– Тоник на основе хвои. – Начала поднимать стопки одну за другой. – Крем для рук. Маска из пророщенной пшеницы с медом и льняным маслом. Крем для лица – алоэ, мед и воск.

Виктор открыл рот. Закрыл.

– Ну хорошо, положим, это все тебе нужно, хотя, видит бог, я не понимаю зачем.

– Когда станет понятно «зачем», тогда уже поздно будет мазаться, – хмыкнула я.

Не то чтобы я собиралась до старости остаться с личиком гладким, как попка младенца, однако подобные вещи напоминали мне, что я не только хозяйка-ломовая лошадь, но и женщина. И что они важнее всего, именно когда сил, кажется, нет, даже чтобы раздеться перед тем, как рухнуть спать.

– Но где ты все это взяла и почему в такой посуде? – продолжал изумляться Виктор.

– Потому что другой подходящей в доме не было. Натуральные средства быстро протухают без консервантов, поэтому я делаю их понемногу, чтобы не выбрасывать.

– Консервантов?

– Веществ, не позволяющих портиться. Вроде соли в соленьях или сахара в вареньях. Но, если положить соль или сахар в крем в нужных количествах, они будут не питать, а портить кожу, – пояснила я.

Хотя, раз мне в этом доме все равно нечем заняться, не сделать ли скраб для тела? Соль, несколько ложек гущи из спитого кофе, немного растительного масла – оливкового или того же льняного, которое здесь дешевле всего. А если здесь найдутся и эфирные масла... Жаль, что сегодня придется весь день сидеть дома. Я бы с огромным удовольствием проехала по лавкам. Чувствовала я себя прекрасно, особенно после того, как перестала волноваться из-за возможной дуэли.

– Понятно. – Виктор снова посмотрел на натюрморт. Я понимала мужа: на изящном, с завитушками столике, рядом с зеркалом в резной оправе, посреди шелков, обтягивающих стены, бутылка и стопки смотрелись феерически. – Я собираюсь послать Василия в аптеку. Напиши, какие притирания, помады и подобное тебе нужны, он купит.

А как же процесс? Поперебирать баночки, понюхать, с задумчивым видом порастереть на руке каплю средства из пробника? Внимательно почитать состав, понимая смысл хорошо если половины из перечисленных ингредиентов?

К тому же была еще одна проблема. Точнее, две. Во-первых, я не знала, что искать в аптеке и как это «что-то» может называться. А во-вторых я была совершенно не уверена в безопасности всех этих «притираний».

– Василий должен купить свинцовую примочку? – спросила я.

– Я же сказал, мне не хочется с этим возиться. Он купит медные опилки.

– Зачем? – изумилась я.

– Для скорейшего срастания костей.

– Употреблять наружу, надеюсь? – поинтересовалась я, догадываясь, каким будет ответ.

– Внутрь.

Медь, конечно, опосредованно участвует в восстановлении костей, помогая кальцию встраиваться в костную матрицу, но я совершенно уверена, что организм прекрасно усвоит ее из гречки, грибов, сухофруктов и другой нормальной еды. Если уж очень хочется экзотики – из морепродуктов, но глотать для этого медные опилки вовсе не обязательно.

– Дозировка?

– Не помню. Это имеет значение? – В голосе Виктора снова прорезалось раздражение.

– Конечно! – воскликнула я. – В определенных дозах медь токсична... ядовита. Как и свинец. Я не хочу, чтобы ты отравился из-за примочки или порошка для скорейшего срастания костей.

– Ты не преувеличиваешь? Многие дамы пользуются свинцовыми белилами. Да что далеко ходить – ты сама любила выбеливать лицо. По мне, ты куда красивей такая, как сейчас, такая как есть, без всяких ухищрений. – Муж погладил меня по щеке.

– Я не знала, что это яд. Сейчас знаю. Разве ты ни разу не слышал, что дамы, которые всю жизнь белили лица, жалуются на сероватый цвет кожи и ранние морщины? А сколько дам в свете мучаются от головных болей, слабости и головокружений из-за малокровия, вызванного свинцом!

– Я всегда считал, что слабость и невыносимость женщин связана с их полом. И, прости, с регулярными кровотечениями.

– Ага, когда крестьянка тащит на коромысле два ведра воды общим весом в два пуда, ей не мешает ни пол, ни кровотечения, – фыркнула я.

– Крестьянки с детства приучены к тяжелому труду.

– И к гораздо более скудной и малопитательной пище, – не сдавалась я.

– Одевайся пока, скоро подадут обед, – сказал муж.

Я скрипнула зубами. Если сразу не поверил, продолжать настаивать нет смысла. Придется думать, как перехватить слугу с «лекарством» и как подменить эту пакость, чтобы никто не заметил. Просто испортить, как рецепт для Фени, не поможет, пошлют за новой порцией, только и всего.

Муж ушел и вернулся, когда Дуня помогала мне, уже одетой, заплетать волосы. Поставил на туалетный столик две жестяных коробки, довольно увесистых на вид.

– Это чай и кофе. На сегодня я Аглае уже выдал, остальное прибереги себе.

– Хорошо, – кивнула я, продолжая размышлять, что делать с проклятыми опилками.

Ни одной идеи в голову не лезло, хоть плачь.

– А вот рецепт, – Виктор протянул лист бумаги. – Десять гранов на прием.

Глава 4

Дай бог памяти, сколько же это в нормальных единицах? Вот всегда так – всякой ерунды в голове полно, а как что-то нужно...

– Вспомнила! – воскликнула я так громко, что Дуня, подпрыгнув, едва не вырвала у меня клок волос. – Токсическая доза.

– В самом деле? – поднял бровь Виктор.

– Чуть меньше, возможно, чтобы качественно отравиться, не хватит, – призналась я. – Но мне бы не хотелось проверять на тебе, насколько меньше и дойдет ли дело до гемоли... желтухи или ограничится расстройством желудка.

– Иван Михайлович предупредил про возможное расстройство желудка. Но...

Я вздохнула, предвидя следующий вопрос.

– Не помню, кто рассказывал про мальчика, наевшегося порошка синего камня.

Своими глазами читала выписку из истории болезни, но как об этом расскажешь? В зеркале я видела, как менялось выражение лица мужа. Он явно не хотел верить мне – в конце концов, доктор куда старше и авторитетней.

– Иван Михайлович говорит: все есть яд, и все есть лекарство...

– Важна лишь доза, – закончила за него я.

«Но стоит ли рисковать?» – повисло в воздухе.

– Сращивание костей можно ускорить хорошей едой, – сказала я. – Это куда приятней, чем лекарства.

– Уговорила, речистая, – усмехнулся Виктор.

Я улыбнулась ему в зеркало.

– Ты готова? – спросил муж.

– Секундочку, барин, – попросила Дуня, закалывая мне последнюю шпильку в тугий узел из косы на затылке.

– Я бы хотела забежать к Фене, – попросила я. – Успею до обеда?

– Забежишь после. Я справлялся о ней утром. И Дуня, и Аглая сказали, что жара не было и Анфиса ни на что не жаловалась. Я приказал не заставлять ее работать хотя бы несколько дней, пусть выздоравливает.

Если так, еще час ничего не изменит.

Когда я после обеда пришла в девичью, Феня полусидела на лавке, подрубая полотенце.

– Аглая велела? – полюбопытствовала я.

– Я сама попросила. Воля ваша, барыня, не привыкла я сложа руки сидеть. Это ж рехнуться можно от безделья!

Пострадавшие места выглядели вполне прилично, никаких признаков начинающегося нагноения. Я сменила повязки, предупредила девчонку не беречь ожоги поясом юбки или фартука и отправилась к Аглае спросить, не нужна ли помощь, раз работница на больничном.

От моей помощи экономка отказалась, сообщив, что поставила Ульяну заменять Феню на кухне. Я не стала настаивать. Сообщила, что за чаем теперь нужно приходиться ко мне.

– Как тебе удобней: с вечера на утро забрать или рано с утра? – поинтересовалась я.

Во взгляде экономки промелькнуло удивление.

– Как вам, Анастасия Павловна, лучше будет. Наверное, с вечера, чтобы вас не будить. Барин рано встает и может сразу чая потребовать. Я у себя в ящике стола запру, чтобы девок в соблазн не вводить. – Она поколебалась, но все же добавила: – Вы, барыня, себя не утруждайте беготней по черной половине. В колокольчик позвоните, если горничную при себе держать не желаете, она миглом появится и за мной сходит, если я вам понадобится.

Я пожала плечами.

– Мне проще самой прийти, чем ждать, пока Дуня туда-сюда бегать будет.

«С каких это пор?» – ясно читалось на лице Аглаи, но у нее хватило ума промолчать, как и у меня – не спросить, действительно ли ей барыню утруждать, то есть сердить лишний раз не хочется или не нравится, что начальство в любой момент может оказаться за спиной.

– Еще я собиралась поговорить о меню, – сменила я тему. – Барин сказал, что согласовал его на неделю. Продукты уже куплены?

Аглая фыркнула.

– Мы никогда не покупаем продукты на неделю вперед, кроме круп, оливкового масла и муки. С утра Дарья сама ходит на рынок и по лавкам, чтобы вся еда была самая свежая. Иногда я хожу с ней.

– Замечательно! – обрадовалась я. – Тогда я хотела бы посмотреть меню и обсудить с тобой кое-какие изменения, желательно в рамках выделенного князем бюджета.

Экономка поджала губы.

– Князь не ограничивает меня в тратах, только проверяет счета от лавочников и записи потраченного на рынке.

Ага, значит, на рынке рассчитываются за наличные, а в лавках, говоря современным языком, берут беспроцентный кредит.

– Желаете сами проверить счета? – Голос Аглаи зазвенел холодом.

– Как-нибудь в другой раз, – отмахнулась я. Смысл проверять счета, не зная цен? – Меня больше интересует, что собирается есть князь. Ты уже знаешь, по какому поводу к нему приглашали доктора?

– Я не сплетничаю о господах.

– Похвально. Так вот, я хочу, чтобы в его рационе... – Аглая моргнула, и я торопливо поправила: – Чтобы в его питании было побольше продуктов, полезных для укрепления костей.

Прежде всего кальций и витамин D.

– Молочные продукты, куриные яйца. Семга, если ее можно достать не за все деньги мира.

– Почему нельзя? Семгу еще месяц будут возить мерзлую из Белой Гавани, если нужно, я пошлю за ней во фруктовую лавку.

Я удержала на кончике языка вопрос, почему рыбу продают во фруктовых лавках, и продолжила:

– Квашеная капуста, если барин ею не брезгует. Лимоны. Мороженная черная смородина, если есть.

Это витамин С, который регулирует построение белковой основы для костной ткани.

– Не слишком жирное мясо.

Белок.

– Черный хлеб. Я заметила, что к столу подают только белый.

– Черный хлеб не по чину князю.

– В моем доме он его ел, так что хотя бы раз в день придумай, в каком виде его подать. В нем... – В нем витамины группы В, но как об этом сказать? – Словом, он нужен. Еще нужны семечки, орехи и сухофрукты.

Это источники микроэлементов.

Я ждала, что Аглая скажет что-то вроде «мне нужно получить разрешение у барина», но она не стала возражать.

– Как скажете, Анастасия Павловна. Если изволите немного подождать, я достану записи и вы посмотрите, что заменить.

– Еще пошли кого-нибудь за журналами, – сказала я, когда с обсуждением кухни было покончено. Много времени это не заняло: князь и без меня питался полноценно и разнообразно.

– Какими именно? – уточнила Аглая.

– Журнал мод или такой, где можно посмотреть прически. – Если уж мне идти завтра в театр, то вряд ли я обойдусь своей обычной гулькой на затылке. – И еще все научные, которые можно купить, не заказывая специально.

Аглая озадаченно уставилась на меня.

– Прошу прощения, Анастасия Павловна?

– Что тебе непонятно? Все, что связано с наукой и техникой. Журналы по врачебному делу... – Это прежде всего. – ...аптекарству, химии и физике, садоводству... Все, что найдется. Да, еще литературные.

Вряд ли в светской болтовне кого-то заинтересуют физические явления или химические опыты. А литература – тема неисчерпаемая, но для этого мне надо получить хоть какое-то представление о местных пушкиных и жуковских.

Кажется, попроси я у экономки динамит – к слову, а существует ли он здесь? – она изумилась бы меньше.

– За таким девку не пошлешь, они все неграмотные. Нужно Алексея просить, а он только барину подчиняется.

– Значит, попрошу.

Дворецкий выслушал меня с таким ошалелым видом, будто перед ним вдруг появился Мотя, внезапно обретший дар речи.

– Это надо у барина дозволения спросить.

Я что, не могу без дозволения мужа купить свежую прессу? Прежде чем я успела спросить это вслух, Алексей добавил:

– Чтобы он меня отпустил или с каким делом в город послал. Васька пока ему не сможет так услужить, как надо. А у барина гость.

Когда успели гости явиться? Вроде совсем недолго я с Аглаей разговаривала.

– Заперлись в кабинете и велели не беспокоить по пустякам.

– Чаю ты им принести можешь? А заодно записку передать?

Дворецкий помялся.

– Крашенинников у них. Значит, считают. Собыю, барин ругаться будет, дескать, сбил со счета, балбес такой. Простите, барыня, не осмелюсь я.

Я поколебалась. На самом деле не горели мне эти журналы, найду чем заняться. С другой стороны – чего время терять?

– А меня пускать он тоже запретил? – на всякий случай уточнила я.

Видно было, что Алексея так и подмывало согласиться – дескать, барыню пускать особенно запретил. Но барыня-то может мужу и скандал закатить, и кто тогда крайним будет? Похоже, он решил, что будет крайним в любом случае, потому что жалобно протянул:

– Сказал не беспокоить...

Если я хоть что-то понимаю в напряженном умственном труде, то кофе ему не помеха. А заодно можно и записочку передать, чтобы при госте глупых вопросов не задавать.

А то, может, мне съездить? «Считать» в этом мире не то, что в нашем, калькуляторов-то еще не придумали. Не знаю, что мешает купцу самому этим заняться, да и неважно это, главное, что затянется надолго.

Так ничего и не решив, я отправилась в спальню за кофе, а потом на кухню. Пока я варила кофе, Дарья то и дело недовольно поглядывала на меня, я старательно делала вид, будто не замечаю этого. Не я нанимала кухарку, не мне и увольнять, как бы ни хотелось.

Я поставила на поднос кофейник и чашечки. Подумав, добавила графин с холодной водой и пару стаканов: что бы они там ни считали, наверняка обсуждают, а отговорильни хочется пить. Добавила сложенную записку и направилась в кабинет.

– Барин не велел... – начал было Алексей, но я отступать не собиралась. Дождалась раздраженного «Да!» в ответ на стук и только тогда вошла.

– Я же... – проворчал Виктор. Осекшись на полуслове, расплылся в улыбке: наверное, кофе унюхал.

– Не буду мешать вам заниматься делами, господа, – прошептала я, разливая кофе. – Сейчас уйду.

Купец выглядел лет на пятнадцать старше Виктора – хотя, может, мне так показалось из-за окладистой бороды.

– Большая честь испить кофию с князем, – сказал он, и по тону его голоса я не поняла, в самом ли деле купчина так думает или иронизирует. Если в самом деле, то я здорово оплошала.

– Перестаньте, Афанасий Никитич, – ответил Виктор. – Вы прекрасно знаете, насколько для меня ценно наше сотрудничество.

– И все же воды я, с вашего позволения, сам себе налью, а то неловко, что княгинюшка мужику прислуживает.

– Как вам будет угодно.

Крашенинников плеснул себе из графина. Отхлебнул кофе и тут же запил его водой.

Виктор взял с подноса лист бумаги.

– Анастасия Павловна, передай Василию, чтобы в следующий раз письма, мне адресованные, не совал барыне, а приносил сам, да как положено, на подносе, – сказал он, очень внимательно на меня глядя.

– Обязательно. – Я прекрасно поняла, кому на самом деле предназначался этот упрек.

– Нового слугу взяли? – любопытствовал купец.

Виктор кивнул. Извинившись, развернул записку.

– Завтра я почти до самого вечера пробуду на фабрике, а ты не скучай, возьми Герасима и прокатись по лавкам. А сегодня уж порадуй меня, побудь дома.

Я решила не спорить при посторонних. Тем более что помнила, как муж с утра просил меня весь день провести на диване с книжкой.

– Как скажешь.

– А по поводу журналов Алексея пошли, он грамотный.

Получается, и повода спорить по большому счету нет. Если дворецкий принесет мне, что почитать. Выйдя из кабинета, я передала Алексею пожелание барина, проинструктировала его что купить и направилась к себе.

Проходя через малую гостиную, я заглянула в книжный шкаф, где видела пару дамских журналов. Самый свежий был датирован концом осени. Рассудив, что в этом мире жизнь течет куда медленней, а значит, и мода не меняется так стремительно, забрала его в будуар.

С любопытством разглядела изображения дамских головок с короткими стрижками, которые подавались как «смелая мода нового бального сезона». Мода, может, и смелая, но слепо следовать ей я повременю. По крайней мере пока не увижу хотя бы пяток стриженных барышень. Тем более что в журнале хватало и женских головок с локонами. Простых кос практически не было. Кажется, придется мне вспоминать, как спать на бигудях.

Платья в этом сезоне оставались «простыми и естественными, открывая миру дамскую красоту». Нет, пусть называют меня ханжой, но я в таких платьях щеголять не буду. Надену несколько одно на другое, чтобы получилось что-то вроде чехла.

И по-прежнему сохранялась в моде «томная бледность». Что ж, значит, снова побеспокою Аглаю.

Глава 5

Раз аристократке предписано быть бледной, а мазаться свинцом я категорически не желаю, нужно как-то выкручиваться. Я и без того наверняка что-нибудь сделаю не так в этом театре, будь он неладен, не стоит привлекать дополнительного внимания и подставлять мужа, демонстративно пренебрегая модой.

Проще всего было бы не заморачиваться и вымыть крахмал из толокна, но тогда пудра получится телесного цвета. Будь у меня побольше времени, я бы получила рисовый крахмал – тот, из которого делают дорожные натуральные пудры. А так придется работать с тем, что есть.

Еще раз уточнив, не нужна ли на кухне моя помощь, и снова получив отказ, я попросила у Аглаи рис, крахмал – обычный, картофельный – и сушеного шалфея или лаванды, или чего-нибудь подобного для отдушки.

– Что такое крахмал? – спросила экономка.

От удивления я чуть было не брякнула «полимер глюкозы», но вовремя прикусила язык.

– Картофельная мука, – сообразила я.

– Никогда не слышала о такой.

Я снова изумленно уставилась на нее. Сегодня, когда мы перетасовывали меню на неделю, я определенно видела кисели. Да не овсяный, который очень любила Марья – твердый, как желе, – а клюквенный и смородиновый.

– Кисельная мука, – попробовала я зайти с другой стороны.

– Я не сушу сулой, приготовить свежий несложно.

Расспрашивать, что такое «сулой», я не стала – похоже, это что-то общеизвестное. Что ж, добыть из картошки крахмал – дело нехитрое, к вечеру, глядишь, и просохнет.

Чем я и занялась.

– А я и не знала, что сулой можно сделать из картошки, а не только из овса – заметила кухарка, когда я сливала воду с отстоявшегося крахмала.

Вот, значит, что такое сулой. Не сказала бы, что сделать его проще, чем достать с полки крахмал. Я одернула себя – снова начинаю мыслить категориями своего времени, когда за любым продуктом достаточно сходить в магазин. Здесь по лавкам не набегаяешься, особенно из деревенских усадеб.

Мел нашелся в сарае, когда-то купленный для побелки, да так и оставленный. Князь, как с гордостью сообщила Аглая, мог позволить себе купить самые лучшие белила с городской фабрики, поэтому пользоваться дешевым мелом незачем. Я мысленно застонала. Очень хотелось потребовать отмыть потолки прямо сейчас, причем в респираторе и перчатках. Но вряд ли «снисходительность Виктора к капризам» настолько безгранична. Так что я отложила эту мысль на потом, когда муж перестанет сомневаться в моих знаниях... или пока я не придумаю способа испортить потолки, не вызвав подозрений. Свинцовые белила чернеют от сероводорода, но десяток-другой тухлых яиц явно привлекут к себе внимание.

Пока я размышляла об этом, растерла немного мела в порошок и залила водой. Оставила на пару минут, чтобы осел песок и другие примеси, и процедила воду через батистовый платок. Мел отправился сушиться на печь, крахмал я пристроила под лавкой неподалеку – перегреть его было нельзя, чтобы не получить вместо пудры кисель. Просохло все на удивление быстро – пока я растирала рис в ступке до тончайшей муки. Наверное, все то же благословение помогло. Я смешала рисовую муку с крахмалом, снова перетирая в ступке, добавила пару щепоток мела, проверяя на руке, чтобы не перестараться.

Пока я занималась этим, вернулся Алексей, вручил мне два бумажных кулька с травами, которые я попросила его купить, и журналы. Как бы мне ни хотелось изучить «Ильинские врачебные ведомости» или «Технологический журнал», пришлось отложить их в сторону вместе

с «Журналом приятного и любопытного чтения» и начать с «Журнала лангедойльских и дане-лагских новых мод».

В этом журнале вообще не было причесок с длинными волосами – короткую стрижку надлежало покрывать прозрачным чепчиком или кружевной косынкой. Декольте вечерних платьев опустились еще ниже, до половины груди, и, конечно же, ткань ничего не скрывала.

Ругнувшись себе под нос, я открыла «Белокаменский Меркурий», в котором стихи, рассказы и рецензии чередовались с описаниями модных платьев и светскими новостями. Все то же самое, что и в журнале мод.

Я снова перелистала картинки и вспомнила присказку отца: «Завтра все с голым задом пойдут, и ты тоже?» Никогда не думала, что однажды она окажется применима буквально. На пудру я согласна, насчет стрижки еще подумаю – волосы мне достались роскошные, но ухаживать за ними сложно. Однако я не собиралась щеголять в наряде, не оставляющем никакого простора воображению зрителя.

Я велела Дуне найти у меня в сундуках самую плотную сорочку с бретельками и принести мне на кухню. Как удачно Виктор отдал мне чай и кофе – не придется объяснять, зачем они мне понадобились. У кухарки глаза на лоб полезли, когда я, смешав пару стаканов свежесваренного чая со стаканом кофе, сунула в жидкость сорочку, чтобы почти тут же вынуть ее.

– Это же не отстирается! – ахнула Дарья.

– И не надо. – Я опустила ткань в ведро с водой, отполаскивая. Нет, пожалуй, светловато. Пришлось повторить чайно-кофейные процедуры. Добившись нужного цвета, я закрепила его уксусом, велела Дуне еще раз выполоскать и повесить сушить.

Вернувшись в будуар, я обнаружила там Виктора, перелистывающего журнал мод.

– Значит, мужчины в этом сезоне носят не меньше трех жилетов, – констатировал он, опуская журнал на колени.

Но на раскрытых страницах я увидела не мужские костюмы, а стриженных дам. Прежде чем я успела что-то сказать, он отшвырнул в сторону журнал и в два шага оказался рядом со мной. Притянув за талию одной рукой, второй начал выбирать шпильки из моей косы.

– Что ты делаешь? – растерялась я.

– Хочу полюбоваться напоследок. Пока ты не обкорнала их.

– Что значит «напоследок»? – возмутилась я. – Я еще сама ничего не решила, а ты уже все придумал!

Виктор продолжал вынимать шпильки из моих волос.

– Не решила, так решишь. Как будто я тебя не знаю. Тут же бежишь повторять любую нелепицу, которую напечатают в модных журналах. Что эти платья, которые второй год из моды не выходят, – голову бы оборвать тому, кто это придумал! Теперь вот... – Он пропустил между пальцами прядь. – Настоящий шелк, и все срежешь.

– Волосы – не зубы, вырастут, – пожала плечами я.

Хотя, если начистоту, косу мне было жаль. Особенно сейчас, когда солнце играло на распущенных волосах и муж перебирал их, так ласково, что хотелось замурлыкать, будто кошка.

– Вырастут, только когда? Косу хотя бы не выбрасывай, когда эта дурацкая мода пройдет, может шиньон сделаешь. – Он усмехнулся. – А как Белкина-то обрадуется! Говорят, она всех дворовых девок остригла, чтобы себе прическу соорудить, а тут ты своими руками!

– Да хватит причитать, не собираюсь я ничего отрезать! – воскликнула я.

В глазах мужа заиграли смешинки, и до меня дошло.

– Ты это специально? Чтобы я назло не стала стричься?

Он расхохотался, но тут же, охнув, оборвал смех. Я положила ладонь мужу на грудь.

– Жаль, обезболить нечем.

– Иван Михайлович рекомендовал лауданум, но мне с утра нужна была трезвая голова.

Я кивнула.

- Расскажешь?
- Тебе в самом деле интересно?
- В самом деле. Почему тебя это удивляет?

Виктор хмыкнул, но комментировать не стал. Опустился в кресло. Я села у зеркала, взялась за гребень, чтобы вернуть прическу в нормальное состояние.

– Крашенинников заподозрил, что приказчик его обманывает, и попросил меня вместе проверить учетные книги. Судя по тому, что я увидел, – так и есть. Завтра придется ехать на фабрику, поднимать документы и считать, сколько этот паршивец успел украсть.

- Хочешь, чтобы он возместил?

Муж покачал головой.

- Наверняка все уже промотал, да и не принято это.

Он поднялся, вынул у меня из рук гребень, потянул за плечо, заставляя подняться.

– И вообще, хватит обо всяких гадостях. Ты знаешь, что очень соблазнительна, когда так внимательно слушаешь?

Поцелуй оказался долгим и страстным, но от меня не ускользнуло, как на мгновение окаменело лицо Виктора, когда он вдохнул, выпрямляясь.

– Теперь знаю, – как можно мягче улынулась я. – Обещаю, когда твое ребро заживет, позову тебя в спальню и стану внимательно слушать. А пока лучше бы тебе отдохнуть.

- Ты удивишься, но любить тебя я собираюсь не ребрами.

– Даже боюсь подумать, чем именно, – фыркнула я. – Наверняка добродетельные жены и слов-то таких не знают.

Он снова засмеялся и снова замер, медленно выдыхая. Я погладила его по щеке, легко коснулась губ. Шепнула:

- Я не сомневаюсь в твоей мужественности. Но у нас будет еще много...

Теперь пришел мой черед осечься. Может, и не будет. Он до сих пор ничего мне не обещал. Я отвернулась, чтобы муж не заметил разом навернувшиеся на глаза слезы. Тряхнула головой, начала заплетать косу.

Виктор подошел сзади, обнял, прижался щекой к моему виску.

– Утром я отправил в канцелярию консистории письмо, в котором объявил недействительным прошение о разводе.

- Правда? – ахнула я.

– Правда. – Он потерся об меня щекой, будто кот. – Стоило два года портить друг другу жизнь, чтобы, когда, казалось, все рассыпалось, понять, что я не хочу отпускать тебя.

Я поймала его взгляд в зеркале.

- Но я не смогу стать идеальной женой.

Да и не хочу, если уж начистоту.

- Из меня тоже не выйдет идеального мужа. Но я постараюсь...

– Вот уж нет! – рассмеялась я, разворачиваясь к нему. – Идеал годится только на то, чтобы водрузить его на пьедестал и любоваться.

- Я вовсе не против полюбоваться тобой, – выдохнул он мне в губы.

– А у меня на тебя более приземленные планы, – хихикнула я, когда поцелуй прервался. – Но не раньше, чем заживут твои ребра. А сегодняшний день мы проведем тихо и благопристойно.

- Хорошо, – улыбнулся Виктор. – Чем ты собираешься заняться?

- Читать. Надо же понять, что в мире делается.

И до чего дошла наука.

Муж выудил из стопки журналов «Технологический». Прочитал:

– «Собрание сочинений и известий, относящихся до технологии и приложения учиненных в науках открытий к практическому употреблению, издаваемое Академией наук». Ты все-речь собралась это изучить?

– По крайней мере постараюсь. – Я вынула журнал из его рук. – А ты пока можешь взять «Что-нибудь от безделья на досуге».

– Нет уж. – Муж взял «Белокаменский Меркурий». – Ты не против, если я расположусь на козетке и буду беззастенчиво тебя разглядывать, утомясь от чтения?

– Совершенно не против, – рассмеялась я, устраиваясь в кресле.

Забавно, но я чувствовала себя студенткой в читальном зале институтской библиотеки. Может быть, потому, что, как и на первых курсах, приходилось продираться через малознакомые слова, а может, потому, что, поднимая глаза от текста, я встречалась взглядом с Виктором. Точно так же я переглядывалась с моим тогдашним возлюбленным, за которого у меня хватило ума выскочить замуж, не дожидаясь диплома. Я вдруг обнаружила, что не могу вспомнить его лица.

– Что случилось? – спросил Виктор.

Внимательный, зараза.

Я ответила не сразу. Представила лицо Леночки. Мамы. Отца. Все вспоминались отчетливо. А вот тот, кто стал отцом Леночки, словно стерся из памяти.

Потому что сейчас мне стал важен совсем другой мужчина.

Глава 6

Вечер прошел уютно: под шуршание страниц, негромкое обсуждение только что прочитанного и аромат чая с травами и меда. Виктор, извинившись, ушел спать рано – было заметно, что перелом по-прежнему его беспокоит. Я осторожно спросила: может, ну его, этот театр, да и вороватый приказчик обманывал явно не один день, так что лишние сутки ничего не решат. Однако муж менять планы «из-за какого-то ребра» не собирался.

Потому и я не стала менять свои. Сварила гель для укладки волос из корня алтея и льняного семени. С Дуниной помощью накрутила вымытые волосы на папильотки из тканевых жгутиков и старых газет. Конечно, к утру все это не просохло, так что к завтраку пришлось спуститься в чепце.

– Когда поедешь по лавкам, постарайся не забыть, что в театр не принято опаздывать, и оставь достаточное время на сборы, – сказал муж после завтрака.

– Хорошо, – сказала я, про себя недоумевая, что там собираться.

Сложносочиненные макияжи здесь рисовать не принято. Платье Дуня выгладила с вечера. Когда Петр принес подставку для фары, то есть каретного фонаря, я объяснила ему, как сделать плечики из проволоки, и теперь наряд для театра спокойно висел на них. Виктор помрачнел, увидев в будуаре платье, но промолчал, я тоже сделала вид, будто ничего не поняла, переключила внимание мужа на самую вешалку. Оказывается, ничего подобного здесь никто не делал, и пришлось мне, мысленно хихикая, описывать и даже рисовать все варианты конструкции. Чую я, скоро у князя появится еще один источник дохода. Может, и мне не заморачиваться с патентом на коптильню, а открыть производство пудры из овса и мела, а то и той же картошки? Я отложила эту мысль на потом, и без того не знаю, за что хвататься.

– Я оставляю тебе Герасима, Петр плохо ориентируется в городе, – продолжал напутствовать меня Виктор. – Кирпичи я закажу тебе сам и договорюсь, чтобы их привезли в Ольховку, как только дороги подсохнут.

– Спасибо, – улыбнулась я. – А на фабрику я могу заехать или ты будешь слишком занят?

– Я привезу полный каталог всего, что производится...

– И веществ, используемых в производстве, – вставила я.

Муж изумленно приподнял бровь.

– Хорошо. Я помню про охлоренную известь и квасцы, но, возможно, ты найдешь что-то еще интересное для себя. А пока развлекись у модистки, в шляпной лавке и куда ты еще соберешься. Скажешь, чтобы, как всегда, записывали на мой счет.

Я не стала говорить, что к модистке загляну в последнюю очередь. Смирненно выслушала все наставления, поцеловала мужа перед его отъездом, чем, кажется, невероятно его удивила, и отправилась собираться.

Капор на импровизированные «бигуди» налез с трудом – все же предполагалось, что он будет надеваться на относительно гладкую прическу с пучком на затылке и, что хуже того, с локонами, выпущенными на лбу, так что часть чепца и волос торчала спереди. Само по себе вроде бы ерунда, но волосы все еще были влажными, и разъезжать в таком виде по холоду явно не стоило. Поэтому я достала палантины, которые сложила мне Марья – невесомые, из кашемира с ярким принтом, – и намотала тюрбан. В конце концов, если носят шелковые, то чего бы и шерстяному не быть?

Герасим к моему появлению подготовил выезд – открытую коляску. Когда я подошла к ней, спросил:

– Кто с вами поедет, барыня?

– Никто, – пожала плечами я.

– Прощения прошу, Настасья Пална, но одну я вас не повезу. Чтобы потом каждая собака брехала, будто княгиня разъезжала в одиночку в открытой коляске, точно какая-то прости господи. И без того барину стыда хватило.

Он напрягся, ожидая крика, а то и пощечины, но я так оторопела, что только и смогла сказать:

– Но муж мне сам предложил...

– Он же не думал, что вы одна поедете. Ладно бы в карете, но в карете вы в театру вечером направитесь, отмыть и просушить не успеем, так что пусть пока стоит чистая.

– А с кем я, по-твоему, должна ехать? – продолжала изумляться я. – Ни родственниц, ни приживалок.

– Это уже не мое дело, барыня, что старая княгиня в деревню удалилась от суеты городской. – Судя по интонации, он явно повторил чьи-то слова, может, и той самой «старой княгини».

Вот, значит, почему Настенька «не смогла» промотать состояние мужа: когда свекровь ездит рядом, точно цербер... впрочем, может, она и не цербер, а милейшая женщина, откуда мне знать. В любом случае с тратами особо не развернешься.

– Пошлите письмецо, может, кто из городских барынь согласится. Я отвезу.

Писать неизвестным мне «городским барыням» и ждать, когда они соберутся и приедут – если вообще захотят! – не хотелось. Как и ругаться с кучером, который беспокоился о репутации – пусть не моей, но барина.

– Дуня сойдет в качестве компаньонки?

Герасим почесал в затылке, обдумывая незнакомое слово.

– С Дуней можно. Главное, чтобы не одной.

Пришлось кликнуть горничную. Наконец мы обе устроились в коляске.

Герасим был прав: меня здесь знала каждая собака. Вчера, когда мы выезжали с мужем, я списала внимание на него, но и сейчас все встреченные в колясках и многие пешеходы кивали мне, обозначая поклон. Дамы и девицы – холодно, мужчины приветливей, но и те, и другие тарасились на мой головной убор – похоже, я опять погрешила против приличий.

– Останови-ка, – велела я, увидев вывеску «Ломбард».

Ничего ценного у меня с собой не было, но хоть теоретически узнать, что могут дать за драгоценности, лежащие под картошкой.

Герасим подал мне руку, помогая спуститься, и, ступив на тротуар, я едва ли не нос к носу столкнулась с Евгением Петровичем.

Его-то что занесло в город?

Я ответила на поклон и, не желая поддерживать беседу, отвернулась. Пусть это и было грубо, но последняя наша встреча с деревенским доктором оставила не слишком приятные воспоминания. Похоже, чувство это было взаимным, потому что, оглядев меня с ног до головы, Евгений Петрович заторопился прочь – в ту сторону, откуда только что пришел.

Я пожалала плечами – охота туда-сюда бегать, пусть бегают – и вместе с Дуней вошла в дверь.

Беседа с хозяином оказалась недолгой и малоинформативной. Подслеповато щурясь и именуя меня милостивой государыней, он сказал, что не может ничего предположить, пока сам не изучит драгоценности. Нет, даже приблизительно. Нет, ни описание, ни наброски тоже не помогут. Наверное, этого следовало ожидать – я сама не возьмусь ставить диагноз по приблизительному описанию симптомов. Мысленно обругав себя за зря потраченное время, я вернулась в коляску и велела Герасиму ехать в аптеку.

Аптекарь выглядел словно ожившее представление о «книжном черве» – худощавый, сутулый, в пенсне.

– Скажите, что у вас есть из противовоспалительных? – начала я после приветствия.

Мужчина вытаращился на меня так, будто у меня вторая голова выросла.

Мысленно отвесив себе оплеуху, я поправилась:

– В смысле, что у вас вообще есть?

– Не понимаю вас, милостивая государыня.

Аптекарь снял пенсне и начал его протирать. Но если он хотел таким образом отделаться от странной посетительницы, то не на ту напал.

– Я хотела бы приобрести некоторые препараты. Растительные и, возможно, химические. В смысле, минеральные.

– Пожалуйста, дайте рецепты. Если у меня чего-то нет, то закажу из столицы, но скажу не хвастаясь, что не в каждой ильинской аптеке вы найдете столько разнообразных припасов, как у меня.

– У меня нет рецепта. Я хотела бы приобрести это для себя, про запас. – Я мило улыбнулась. – Знаете, из деревни в вашу чудесную аптеку не накатаешься. Сейчас закончится сезон простуд, начнутся кишечные... – Я в последний миг удержала за зубами слово «инфекции». – Словом, вы меня понимаете. Опять же, ушибы, порезы. Вы можете мне помочь? Князь Северский оплатит ваши траты.

Аптекарь снова водрузил на нос пенсне, снял с полки за спиной фарфоровую баночку.

– С вашего позволения, начнем с ушибов и подобных вещей. Вот пластырь, который очень быстро заживляет все раны, в том числе ожоги. Отменнейшего качества. Ингредиенты я покупаю у Крашенинникова, у него никогда не бывает подделок.

Значит, свинцовый.

– Спасибо, мне бы что-нибудь другое.

– Это по-настоящему живительный пластырь.

– И все же я воздержусь от его покупки.

Аптекарь поджал губы, но снова растянул их в улыбке, кажется, решив, что выставит счет князю не только за лекарства, но и за потраченные нервы.

– Могу предложить данелагский пластырь.

– Что в составе?

– Смола гумми и перуанский бальзам.

Это еще туда-сюда. Но все же я поинтересовалась:

– А можно мне просто перуанского бальзама, без смолы?

– Можно, но он недешев. Впрочем, князь едва ли стеснен в средствах. – Аптекарь вопросительно посмотрел на меня, я холодно улыбнулась, давая понять, что не намерена обсуждать финансовые дела мужа.

– Будьте добры. Еще, пожалуйста, что-нибудь для промывания ран.

Он поставил на прилавок бутыл темного стекла.

– Скипидарное масло для остановки кровотечений. – Видимо, сообразив, какой вопрос последует, аптекарь добавил: – Скипидар смешивается с водой и перегоняется в кубе.

И получается более чистый скипидар.

– Еще он может быть полезен от сильного кашля, унимает боли, гонит мочу, разбивает запоры и изгоняет глистов.

– Прошу прощения? – только и смогла выдавить я.

– Но внутрь принимать не более нескольких капель.

Я проглотила все, что хотела сказать по этому поводу.

– Не нужно, спасибо.

Очень хотелось просто попросить перечислить все, что у него есть в аптеке. Но я представила, как обращаюсь с подобной просьбой к любому первостольнику. Не нужно долго гадать о направлении, в котором мне предложат пройти.

«Сама не знает, что хочет», – читалось на лице аптекаря. Впрочем, он попытался предложить мне еще пару средств, столь же «живительных». В конце концов я все же не выдержала.

– Перечислите, пожалуйста, что у вас есть в наличии из готовых лекарственных средств и компонентов лекарств, – попросила я.

– У меня более двухсот лекарств, – возмутился аптекарь. – Вы хотите, чтобы я перечислил вам все?

– Да, пожалуйста. – Я улыбнулась и захлопала ресницами.

Улыбка подействовала. Аптекарь повернулся к полкам и начал перечислять «все, что есть». Поначалу я пыталась понять, по какому принципу он группирует лекарства, но скоро бросила это дело. Ярь медная соседствовала с сабуром, затвердевшим выпаренным соком алоэ, ртуть и мышьяк – с очищенным свиным салом, бура – со шпанскими мухами. Так что я просто останавливала его, услышав что-то полезное, и просила отложить для меня.

Как ни удивительно, нашлось немало. Сушеные растения покрыли почти весь прилавок – некоторые, вроде зверобоя и пустырника, у меня уже были, но стоило пополнить запасы: с такой медициной они у меня быстро уйдут. Другие, вроде корня мыльной травы, я собиралась использовать не для лечения. К моему изумлению, в аптеке продавалось и немало специй: корица, семена горчицы, мускатный орех, гвоздика, шафран и имбирь. Кроме растений я купила буру, «горячее вино», оказавшееся почти чистым спиртом, и мел – знала бы, послала бы за ним в аптеку, а не возилась бы вчера с его очисткой.

Я думала, что выйду из аптеки нагруженная, но аптекарь пообещал, что сам все соберет и пришлет в дом князя Северского. Спорить я не стала и, устроившись в коляске, велела везти меня в хозяйственную лавку или как там она называется.

Глава 7

Рынок был слышен издалека. Ровный, невнятный гул, когда мы приблизились, рассыпался на многоголосье.

- Булавки, иголки, стальные приколки!
- Пальто и жилеты, сапоги и жакеты! Торгую, не спешу, двигай к нашему шалашу!
- Сбитень горячий, медовый!
- Стригу-брею!

Между торговых палаток расхаживали торговцы «на разнос», и в их коробах я видела не только съестное, но и отрезки тканей, обувь, платки.

Я вертела головой по сторонам почище Дуни, которая нет-нет да вспоминала, что горничная знатной дамы, и на несколько мгновений замирала. Но любопытство брало свое, и она снова начинала вертеться, едва ли не подпрыгивая от нетерпения.

Правда, как следует разглядеть базар не удалось: Герасим придержал лошадь ровно настолько, чтобы не снести кого-нибудь из снующих прохожих, но останавливаться не собирался.

– Наверное, в красные ряды везет, – предположила Дуня.

– Разве ты была здесь? – удивилась я. Девушка сама говорила, что никогда никуда не уезжала из своей деревни.

– Нет. Дядька сказывал. Он каждую зиму в город нанимается, а как возвращается, рассказывает, что в мире делается. Я люблю его байки слушать. Здесь вот простой люд. Вон там, – она указала на видневшиеся впереди деревянные постройки, – красные ряды, это для чистой публики, кому толкотня да запахи не нравятся...

Запах и в самом деле даже ветер не мог сдуть. Можно хоть с закрытыми глазами понять – вот мы проезжаем мясные ряды, а вот ароматы рядов булочных, вот запахло кожей, а то защечочет нос пряный запах петрушки и лука, похоже, из теплиц.

– Агляя с Дарьей только в красные ряды ходят. Говорят, торговцы у них уже проверенные, товар свежий, и обманывают в меру, – продолжала Дуня. – А вот в этих горе... ле...

– Галереях, – подсказала я, проследив за ее взглядом.

– Да, в этих хоромах каменных товары деликатные, дорогие. Дядька так сказывал, сам он туда не совался, все равно бы не пустили.

По спине Герасима было видно, что ему очень хочется прокомментировать наш разговор, но приличия не позволяют. Чтобы дать ему возможность заговорить – и заодно удовлетворить свое любопытство, – я спросила:

– Расскажи: куда ты нас везешь?

Красные ряды мы почти миновали, и а лошадка продолжала мерно перебирать ногами.

– На ленивый торжок поедem. Там вещи, полезные в хозяйстве, гуртом продают. Барин сказывал, вам много чего надобно.

– Спасибо, – кивнула я. – Может, что-то посоветуешь?

Теперь спина кучера выразила удивление.

– Разве гоже мне барыне советовать?

– Ты же уже посоветовал Дуняшу взять. И я тебе за это благодарна: не дал мне себя и мужа опозорить по забывчивости. Может, еще чего подскажешь.

Герасим потянулся почесать в затылке.

– Куда прешь, раз-з-зява! – Он снова перехватил вожжи. – Простите, Настасья Пална. Ежели меня послушать хотите, так одно могу сказать: торгуйтесь и за всем внимательно следите. У них, у торгашей, только меж собой слово честное, а нашего брата, думают, не прове-

дешь – так и не проживешь. – Он замер, осознав, что причислил меня к «нашему брату». – Простите, барыня, бес попутал.

– Ничего, – улыбнулась я.

– А вас, господ, еще раз простите, по ихнему обычаю и вовсе грех не обмануть, вы же монет не считаете.

Монет? Хорошо, что я взяла кошелек. Но хватит ли денег? Виктор сказал: «Запиши на мой счет», и я расслабилась. Может, попросить Герасима вернуться в красные ряды? Хотя вряд ли баре сами покупают гвозди и прочие хозяйственные мелочи, для этого есть приказчики...

Видимо, все эти мысли отразились у меня на лице, потому что Дуняша наклонилась к моему уху и прошептала:

– Мне барин кошель дал с ассигнациями. Сказал, ежели вы захотите на рынок поехать или в чайную заглянуть, вам отдать, чтобы было чем расплатиться.

– А если не поеду? – полюбопытствовала я.

– Тогда отдать вам уже дома. – Дуня нахмурилась. – Сдается мне, он мою честность проверить хотел. Вы уж, сделайте милость, скажите ему, чтобы не обижал так больше.

Она повозилась под тулупом и протянула мне бумажник из черной кожи. Я заглянула внутрь, и первым, что я увидела, была записка.

«Я помню, что обещал тебе содержание, и выполняю обещание. Марье я доверил бы любую сумму безоговорочно, надеюсь, что и в Дуне ты не ошиблась».

Вот же невыносимый тип!

– Скажу, – пообещала я Дуне. – Непременно скажу.

В конце записки была указана сумма, лежащая в кошельке. Да уж, князь явно не мелочился, проверяя честность прислуги.

Я отвернулась от Дуни к Герасиму.

– Расскажи, как купцы обманывают?

– Ежели товар какой россыпью, вроде зерна или гвоздей, то в мерке выпуклое дно делают, чтобы, значит, меньше помещалось. Одно время бур-го... городской голова даже велел все рассыпные товары только на вес продавать, без мерки.

– Да толку никакого не было, – хихикнула Дуня. – Дядька сказывал, начали гирьки высверливать и варом смоляным доливать, чтобы, значит, она полегче была. А ежели покупать у мужиков зерно там или кудели, так, наоборот, в гирьки свинец добавлять, чтобы побольше товара взять за те же деньги.

Что ж, все как в моем мире. Кто-то честен, кто-то пользуется всеми способами, чтобы нажиться побольше. Интересно, сумею ли я «просветить» гирию, как Виктор – грязную воду?

– А то гвоздь в чашку весов втыкают, а как инспектор идет, вынули его, и не поймаешь, – вставил Герасим.

– От гвоздя перевес невелик, – заметила я, вспомнив «воруют в меру». Похоже, таковы были неписанные правила игры.

– Так-то оно так, да с миру по нитке – голому рубашка. – Кучер хохотнул. – Хотя когда это купец гол ходил? Хоть и считается – мужик – да с мужичкой-то жизнью егоиную не сравнить.

Запахи рынка сменил свежий запах талой воды, перемешанный с прохладным весенним воздухом. Мы выехали на набережную, где вдоль берега теснились баржи, лодки и лодчонки.

Герасим натянул вожжи.

– А вот и ленивый торжок.

Прежде чем выйти из коляски, я решила проверить пришедшую в голову мысль. Если моя магия – электричество, значит, я могу создать электромагнитное поле, как это делают аппараты МРТ. Не в этом ли секрет магии, позволяющей видеть сквозь стены?

Я опустила руку на сиденье коляски, пропустила силу через ладонь, представляя себе, как атомы начинают сдвигаться...

Часть сиденья сделалась полупрозрачной, обнажив пружины, перетянутые крест-накрест широкими кожаными лентами. Я отпустила магию, довольно улынувшись.

– Настасья Пална? – позвала меня Дуня.

– Иду-иду.

Похоже, девушка ничего не заметила. Наверное, потому, что у нее магии нет.

Но как получилось, что местные медики не используют эту способность для диагностики? Это же просто мечта! Никаких тебе огромных магнитов, никаких дорожных аппаратов, только собственный мозг. Возможно, использовать ее на человеке опасно? Как бы проверить?

«В магии до многого приходится доходить самому», – вспомнились мне слова мужа.

Не может ли быть, что для освоения заклинаний и создания новых нужно понимать основные принципы естественных наук? Физика, химия, биология... Вернусь домой, покопаться еще в журналах, чтобы понять, в правильном ли направлении я думаю.

Но, если в правильном, придется мне вспомнить все, что когда-либо учила, а заодно подтянуть математику. Кто там из древних сказал, что она – язык, на котором с людьми разговаривают боги?

– Пожалуйте к нам, барыня, – прервал мои мысли шустрый молодой человек. – И девушка ваша пусть с вами идет.

Он попытался подхватить Дуню под руку, увлекая за собой, но та дернулась.

– Дуня, помоги мне.

Я взяла ее локоть, изобразив, что опасаясь ступить на мостки, даром что баржу и берег разделяли только плетенные из веревки кранцы. Назойливость зазывалы мне не понравилась, но, похоже, здесь это было в порядке вещей. Вон у соседней баржи мальчишка перегородил дорогу крестьянину, протягивая ему коробочку с какими-то мелочами. Мужик замешкался, и мальчишка стал дергать его за полу кафтана, увлекая к воде. Проходящий мимо человек с крупной бляхой на кафтане, похожей на ту, что носил урядник, не обратил на происходящее никакого внимания.

Интересно, обратно без покупок выпускают или надо хоть гвоздик приобрести?

Я хихикнула, представив, как пробиваюсь на берег с помощью магии и доброго слова. Жаль, боевого кота нет. Как там Мотя? Я уже успела соскучиться и по нему, и по нянюшке.

Ступив на борт, я поняла, почему плавучий рынок назывался ленивым торчком. Никто не морочился с тем, чтобы выгружать и распаковывать товары, выставили на палубу понемногу всего, что есть.

– Барыня, лучший товар на всей реке, из самого Белокамня! – тут же подскочил ко мне мужчина средних лет. На степенного купца он, несмотря на бороду, походил мало. Наемный продавец, или как его здесь именуют? – И цены ниже не бывает, куда вокруг ни пойдете, нигде таких хороших цен не будет, чтоб мне завтра околоть, ежели вру!

– Ой, не каркал бы, сиделец, а то вдруг сбудется? – хихикнула Дуня.

Я пошла вдоль ящиков, разглядывая товар. Гвозди, от миниатюрных до здоровенных, длиннее моей ладони. Медная и стальная проволока разной толщины. Крепежные уголки, правда, шурупов я, как ни старалась, не смогла разглядеть.

«Сидельца», как обозвала его Дуня, реплика девушки ничуть не смутила, он прилип к нам, расхваливая каждый товар, около которого я останавливалась. Его зудение раздражало, хотелось поскорее убраться. Но, как ни крути, мне нужны были гвозди, и не факт, что на соседней барже не обнаружится такой же «соловей».

Услышав цену, я мысленно присвистнула. Герасим мог бы меня не напутствовать, хочешь не хочешь, а торговаться придется, знать бы еще, как это делается.

– Пойдемте, барыня, – выручила меня Дуня. – Гвозди хороши, конечно, да дядька Игнат вам не хуже наделает, и в два раза дешевле.

– Что ж вы в коляске трястись до того дядьки будете, важной барыне можно и уступить немного, – тут же включился в игру продавец.

Пока они с Дуней торговались, я успела и повосхищаться спектаклем, и заскучать. Торговец, похоже, заметив это, стал уступчивей и наконец предложил цену, которая устроила Дуню. Он проводил меня к весам, достал металлическую кружку чуть больше поллитровой.

– Сейчас все отмерим в лучшем виде. Вот, клеймо, мерка честная, все как подобает. – Продавец указал на прилепленную к боку кружки сургучную печать с изображением сражающихся льва и дракона.

– А поближе можно посмотреть? – захлопала ресницами я. – Говорят, всякие негодники дно утолщают...

– Сущие негодники, – согласился сиделец. – А у нас все честно, все по весу.

Он бросил на чашку весов гирьку, зачерпнул меркой самых мелких гвоздей.

– А гирьки можно посмотреть?

– Как вам будет угодно, – лъстиво улыбнулся продавец, вручая мне гирьку дном кверху. – Пять фунтов, извольте видеть клеймо.

Я вернула продавцу улыбку, взвешивая гирьку на руке. Пять фунтов – чуть больше двух килограммов, но поди пойми на глаз, если сравнить не с чем. Пришлось коснуться магии.

Под клеймом был высверлен цилиндрок, залитый чем-то более легким, чем чугун самой гирьки.

– Клеймо, говоришь. – Я снова захлопала ресницами. – Наверное, и пристав подтвердит, что все честно. Он тут только что по берегу проходил.

Торговец выхватил у меня из рук гирьку, уронил на пол.

– Ох ты ж, помялась! Наверняка легче стала, сейчас другую возьму.

В считанные мгновения гирька исчезла и появилась новая, на вид ничем не отличимая от первой. Торговец, лъстиво улыбаясь, вручил ее мне, я никакого подвоха не нашла и решила, что все же куплю у него.

Мелкие, «с ноготь», как говорили тут, и средние, «с палец», гвозди отправились в плотные холщовые мешки, перевязанные бечевой. Крупные торговец сложил в деревянный ящичек, а здоровенные, которые использовали в строительстве, обернул холстиной и перевязал бечевой.

– Вот, барыня, извольте забирать.

В его улыбке мне почудилось злорадство. И в самом деле, покупала я с размахом, помня, что домашние запасы подходят к концу – кажется, после смерти Настенькиной матери об их пополнении никто не заботился, – а я со своей магией не могу починить все. Так что теперь у моих ног лежало примерно четырнадцать килограммов гвоздей.

Глава 8

Прежде чем я успела попросить сложить все это в один мешок, чтобы поухватистей было, Дуня взялась за два самых тяжелых свертка, легко, будто играючи. Действительно, дома она полные ведра таскала, что ей десять кило гвоздей? Я подхватила остальные и, распрощавшись с ушлым продавцом, отправилась к коляске.

Увидев нас, Герасим окликнул болтающегося рядом мальчишку. Тот взял лошадь под уздцы. Конюх подошел к нам.

– Давайте, барыня. Что ж это сиделец хоть какого парнишку не кликнул помочь?

– Не захотел, – хмыкнула я. – У Дуни прими, ее ноша тяжелее.

Герасим почесал в затылке, но спорить не стал. Впрочем, Дуняша, освободившись от своей поклажи, тут же выхватила из моих рук свертки и, хихикая, стала рассказывать про «помятую» гирьку.

Кучер кхекнул, что, по-видимому, заменяло ему смех, и закинул гвозди в сундук, прикрепленный к задней части коляски.

– Домой везти, Настасья Пална?

– Да ты что, мы только начали! – возмутилась я.

В самом деле. Веревки, толстые, которыми привязывают поклажу к телеге, бельевые и шпагат. Пакля: скрутить в жгуты для подвязки растений, перенабить подушки в старой коляске, на которую даже кредиторы не позарились, да, в конце концов, утыкивать щели – на все магии не хватит. Брезент или подобная холстина: свои запасы я перевела почти полностью, а для работы в саду понадобятся рукавицы, и как бы не пришлось укрывать сад от заморозков. Восковые свечи и просто вощина, если найдется. Деревянное масло для Марьиных лампадок и фонарей, которые я собиралась развесить над крыльцом и у хозяйственных построек. Олифа. Кирпичи Виктор обещал, но позаботится ли о растворе для кладки? Про цемент я тут не слышала ни разу, значит, нужна известь. В земле под сараем оставались еще два горшка, но хватит ли? Лучше докупить, запас карман не тянет. Дверные петли и скобы, крючки и петли для них, бельевые прищепки, иголки обычные и шорные, нитки швейные и банки для консервирования – пусть здесь пока и не знали консервирования. Словом, все те мелочи, что постоянно нужны в хозяйстве и о которых после смерти матери Настеньки никто не заботился.

Почти на каждой лодке повторялись вариации одного и того же спектакля. Где-то облегченные гирьки, где-то продавец так ловко обходился со счетами, что впору было восхититься, чтобы не прибить его теми же счетами. Продавец пеньки – я собиралась навязать из нее чуни, самое то для летней работы в саду – не стесняясь понаставил рядом со своим товаром ведра с водой, как будто влаги от реки мало было. Предложения подсушить товар магией, чтобы не завелась плесень, он не оценил.

Похоже, у «сидельцев» была своя агентурная сеть из мальчишек, болтавшихся на набережной, и весть о придирчивой барыне разнеслась по рынку, потому что как раз после лодки с паклей обманывать меня перестали. Или стали делать это так изошренно, что я не заметила.

Бортник, продающий воск, свечи и мед с небольшой лодчонки, оказался честен. От тепла моих пальцев воск стал мягким, начал издавать легкий медовый аромат, а когда я сбросила с пальцев искру, загорелся ровно, без копоти. И свеча, когда я зажгла одну, взятую из груды таких же, не коптила. Мед тоже был хорош, хоть и засахарился, как ему полагалось к этому времени. Все же я взяла немного, на пробу: в таких условиях примесь муки особо не проверишь. Если дома окажется, что глаза и язык меня не подвели, пошлю кого-нибудь к нему купить побольше, чтобы увезти в усадьбу.

– Домой, – сказала я наконец.

– Не сердчайте, барыня, но сперва к модистке и за шляпками. Так барин велел, ежели вы сами не вспомните. И еще велел с вами не спорить, просто делать по-евоинному.

Вот, значит, как? Что ж, я тоже спорить не буду, просто сделаю по-своему. Тем более что легкомысленные Настенькины платица мне самой не нравились. Так что я с чистой совестью позволила модистке навязать мне бальное платье, только не из полупрозрачного шифона, а нормальное, плотное; закрытое платье для летних прогулок в усадьбе, даром что летом мне будет не до прогулок, и платье для верховой езды, которое дополнялось жакетиком, обрезанным под грудью, и панталонами со штрипками.

Эти панталоны и навели меня на мысль.

– Мне нужно еще три-четыре платья. Особенных. Вот такой длины. – Я показала себе над коленом.

У бедной модистки глаза полезли на лоб. Она даже не сразу нашлась, что ответить, а я продолжала:

– И к ним шароварчики. Не очень широкие, но достаточно свободные, чтобы не мешать работать в саду.

И пусть только Виктор попробует сказать, что в таком наряде видно что-то лишнее!

Модистка кое-как обрела дар речи.

– Но... Но это же невозможно! Будет скандал! Князь Северский...

Я захлопала ресницами.

– Я же не собираюсь заставлять князя это носить!

Женщина закашлялась. Я осторожно постучала ее по спине, но, кажется, это только ухудшило дело.

– Если вы боитесь, что князь не оплатит счета за такие наряды... – начала было я.

– Князь всегда платит по счетам, – покачала головой модистка. – Но каков будет скандал в свете!

– Я не собираюсь выходить в этих нарядах в свет. Они нужны мне для работы в саду.

У модистки сделалось такое лицо, что я испугалась, как бы она не помчалась за Иваном Михайловичем. Но, похоже, портниха решила, что с сумасшедшими лучше не спорить. Так что она согласилась пошить мне костюмы, два из теплой шерсти и два из хлопка, «настоящего, не подделанного шерстью, хотите, подожду нитку, чтобы вы убедились?».

Не желая лишний раз спорить, я понюхала остаток вспыхнувшей от свечи нити, подтвердила, что паленым волосом она не пахнет. Модистка, в свою очередь, не попыталась удлинить платья, зарисовывая фасон. Когда она снимала с меня мерки, под болтовню о пустяках заметила:

– Моей тетке, когда она сильно отошала после болезни, доктор рекомендовал смесь из желтков, меда, какао и коровьего масла. Она говорила, что это очень вкусно, и быстро вернула прежние формы.

Намек выглядел очевидным, но я не была уверена, что хочу немного потолстеть. Все же я согласилась с тем, что это наверняка вкусно, позволила записать рецепт «на случай, если кому-то из ваших родственников понадобится», и мы распростились.

– Прав был барин, когда велел Герасиму вас к модистке везти, – еле слышно заметила Дуня. – И отдохнули, и порадовались. Вон как глаза блестят.

Я решила не огорчать ее рассказом, что меня веселит удавшаяся шалость, и позволила везти себя к шляпнице.

Кажется, шляпки стоили дороже платьев, потому что хозяйка лавки усадила меня пить чай. Отказываться я не стала, наездившись по весенней прохладе. После чая девочка-помощница начала носить мне шляпки, предлагая примерить. На мой взгляд, новые отличались от тех, что лежали в моей кладовой, только цветом, а разматывать тюрбан, являя миру папилютки под чепцом, мне не хотелось.

– Спасибо, но, пожалуй, я воздержусь от покупки.

К тому же я стала уставать от разноцветья и блеска золотой вышивки и перьев.

– Как? – ахнула хозяйка. – Неужели вы не выведете в свет хоть одну новую шляпку?

Она демонстративно закатила глаза.

– Эти злые языки... Скажут, князь охладел к вам.

Ах так?!

– Я бы хотела кое-что особенное, – пропела я. – Что-то, чего ни у кого нет. Вы делаете на заказ?

Увидев набросок, шляпница округлила глаза не хуже модистки.

– Но такого никто не...

– Раз я буду носить, то уже не «никто», – улыбнулась я.

Ума не приложу, чем ее смутила обычная вьетнамка? Веками женщины прятали под ней лицо от солнца, работая на рисовых полях. Значит, и мне сгодится. Сложный каркас? Да уж не сложнее каркаса капора.

– Я даже не представляю, к какому наряду...

– Не представляете – так не представляете, – не стала спорить я.

В самом деле, пора бы домой. А шляпку мне Дуня сплетет из соломки, и не будет рассказывать, что такое не носят. Так что я распрощалась со шляпницей, оставив лишь обещание подумать еще и, возможно, дать знать, если все же захочу что-то купить.

Когда я выходила из дома, навстречу мне шмыгнула какая-то девушка, судя по одежде – прислуга.

– Барыня, тут такое дело, вы только не ругайтесь, – начала Дуня, когда я села в коляску.

– Что случилось?

– Я не знала что... Я никогда в городе...

– Да что стряслось? – уже всерьез испугалась я.

– А дядька Герасим... – Она шмыгнула носом.

– Герасим?

Кучер обернулся.

– Прибегала тут деваха одна и давай с вашей горничной лясы точить. Я сперва не лез, дело бабье – языками чесать. Да та возьми да стань выспрашивать, а что за шляпка, мол, на барыне, у кого сшита и нельзя ли мерку снять.

Я выдохнула, успокаиваясь.

– Деньги сулить начала, а Дуняша, дуреха, возьми да и скажи, дескать, никакой хитрой выкройки нет, просто шарфы, красиво намотанные, барыня сама постаралась.

– Я не знала...

– Ничего страшного не случилось, – успокоила ее я.

– И все равно не дело с чужими о господах болтать, – не унимался Герасим.

Я едва удержалась, чтобы не припомнить, как он убеждал Петра, будто барыня – скандалистка. Петр, конечно, формально не чужой, временно в том же доме служит. Но, может, не останови его Герасим, не было бы и выстрела.

Кучер будто прочел мои мысли, добавил себе под нос:

– Да и со своими, пожалуй, не стоит.

Дуня снова попыталась оправдываться, но я остановила ее. Училась девушка быстро, второй раз ничего подобного точно не случится.

Когда я вернулась домой, экипаж заполняли свертки и сверточки, узлы и ящики, едва оставив место для нас с Дуней. К нам тут же подскочил Петр.

– Барин там весь извелся от нетерпения. Идите, Настасья Пална, и ты, Дуняша, барыне помощи, а мы с Герасимом все сами разберем.

Я достала из кармана часы: неужели не уследила за временем, увлекшись? Нет, до времени выезда в театр, обозначенного Виктором, еще три часа. Даже если положить час на прическу – хотя я уже продумала, как можно сделать быстро, просто и эффектно – останется время и выпить чая, и ополоснуться с дороги, и даже немного поскучать, если вдруг захочется.

Но муж и в самом деле извелся.

– Где тебя носит? – поднялся он из кресла, едва я зашла в малую гостиную. – Опоздаем!

– С чего бы? – изумилась я.

– Я знаю, сколько времени тебе нужно, чтобы собраться.

– Ты удивишься, – фыркнула я. – Занимайся своими делами и ни о чем не беспокойся.

Как твои ребра?

Очень хотелось просто «просветить» да посмотреть, но что если это действительно опасно? Где бы найти подопытного кролика, которого не жалко?

– Неплохо. – Муж повел плечами, точно проверяя собственное тело.

Я кивнула.

– Вот и замечательно. К слову, ты обещал мне список веществ, которые так или иначе используются на вашей фабрике.

– Он длинный, а у нас мало времени.

– Как раз просмотрю за чаем, – пожала плечами я.

– Завтра с утра я отдам тебе его, – уперся Виктор.

Я демонстративно громко вздохнула. Муж едва заметно усмехнулся и покачал головой. Что ж, опись подождет до завтра, мужу еще предстоит как-то пережить мои сегодняшние покупки, и пусть радуется, что я не приобрела пару мешков пушонки – решила сначала выяснить у него, нельзя ли отправить ее вместе с кирпичами.

Глава 9

Прежде чем собираться, я попросила Дуню принести в будуар горячий чай с медом. Сама не заметила, как подкралось уже знакомое головокружение. Не такое сильное, как ночью, но все равно приятного мало.

Чай с медом и конфеты сделали свое дело – одевалась и причесывалась я уже в прекрасном настроении.

Как я ни старалась, все равно не поняла, почему муж опасался, что мы опоздаем. Прическу я сделала в три свободных пучка, на трех хвостах – просто и эффектно. Концы убирать не стала, оставив локоны падать на шею, и вытянула несколько невесомых прядей у виска, которые придали лицу нежное и невинное выражение. Прокрашенная вчера сорочка, высохнув, приобрела телесный цвет. Чуть темнее, чем белоснежная кожа, которая мне досталась, но под верхним платьем этого совершенно не было заметно. Как и самой сорочки, и еще одной нижней юбки под ней. На плечи я накинула разглаженный палантин: хоть белье и прикрыло большую часть тела, декольте платья было таким глубоким, что впору пупок отморозить. Жаль, броши нет, сколоть шарф, но раз я демонстративно явлюсь в театр без украшений, то придется обойтись булавками. Припудрив лицо, я покрутилась перед зеркалом так и этак под восторженные ахи Дуняши. Все прилично и не просвечивает.

Когда я появилась в гостиной, Виктор с неописуемым выражением лица изучал какой-то список.

– Хотел бы я знать... – начал было он, но осекся на полуслове. – Ты невероятна. Скромно и в то же время так соблазнительно, что я подумываю никуда не ехать.

И столько нежности и одновременно страсти прозвучало в его голосе, что я смутилась, будто девчонка, опустила ресницы. Щеки запылали так, что никакая пудра бы не спасла. Муж склонился к моей руке, с улыбкой выпрямился, но от меня не ускользнуло, как он задержал дыхание. Похоже, «неплохо» – явное преувеличение.

– Может быть, действительно никуда не поедет? – спросила я. – Посидим, попьем чая, почитаем, как вчера.

– Я не позволю какому-то хлыщу испортить нам вечер. – Виктор снова улыбнулся.

В гостиную вошел Алексей, неся на подносе сложенный лист бумаги. Муж, извинившись передо мной, взял его. Заглянул внутрь. Брови его взлетели на лоб.

– Гвозди, пакля, банки, а теперь еще лекарства? Ты меня удивляешь. Я ждал счетов от модистки и ювелира. – Он вернул лист на поднос. – Отнеси в кабинет.

– От модистки тоже будет, – утешила я Виктора. – И, кажется, немаленький.

– Вот теперь я узнаю свою жену, – рассмеялся он. Подал мне руку. – Пойдем, пора ехать.

Дорога до театра оказалась недолгой. Василий – который ехал рядом с кучером – открыл дверцу, выпуская Виктора, тот помог выбраться мне. Жалеть, что я не подумала о сменной обуви, не пришлось: между нами и зданием театра оставалось лишь несколько шагов по брусчатке, а за нашей каретой уже выстроилась очередь других, точь-в-точь как машины перед школой в начале учебного дня.

В фойе Виктор скинул на руки Василию теплый плащ с пелериной, помог мне снять тулуп и пуховую шаль, их тоже отдал лакею.

– Можешь погреться в карете, чтобы по трактирам не шастать. Если разносчик с чаем придет, купи себе и Герасиму чая и калачей. – Он извлек из кармана и вручил лакею несколько медных монет.

Я хотела оглядеться, но света не хватало, зеркала в глубине фойе выглядели тусклыми, стены терялись во мраке, а прибывающие вовсе не стремились общаться. Так же, как и мы, скидывали на руки слугам верхнюю одежду, давая наставления.

Виктор подал мне руку и повел вглубь здания, к лестнице. Ее освещали куда лучше, как и коридор, в который мы вышли. Я ожидала увидеть толпу и заранее напряглась в предвкушении встречи со знакомыми, которых я не знала но коридор оказался пуст, хотя из-за дверей доносился приглушенный гул зрительного зала. Только в самом конце промелькнула какая-то пара.

Молодой человек в униформе, стоявший у одной из дверей, поклонился нам, протянув Виктору что-то похожее на программку, и открыл дверь.

В ложе стояло всего два кресла, ложи справа и слева от нашей пока пустовали.

– Держи программу. – Виктор вручил мне листок, полученный от парня в униформе. – Чего ты хочешь? Мороженого? Фруктов? Вина?

– Ничего, спасибо, – улыбнулась я. – Только если ты сам что-то хочешь.

Я мельком глянула в программку, имена персонажей и актеров ничего мне не сказали, так что я начала разглядывать зрительный зал.

Партер внизу выглядел однородно черно-белым, похоже, в нем не было ни одной женщины. Зато ложи пестрели шелками, переливались бриллиантами. Множество платьев откровенно просвечивали, но хватало и тех, кто не пошел на поводу у моды. Некоторые были в шелковых чалмах, кокетливо прикрывавших лишь макушку, чтобы показать локоны. Дамы постарше носили токи и чепцы. Много нашлось и непокрытых головок, и моя прическа выглядела подчеркнуто скромной рядом с каскадами локонов.

Виктор, склонившись к моему уху, называл мне имена. Некоторых я узнавала по его прежним рассказам, о ком-то слышала в первый раз. И все эти дамы, да и мужчины тоже, тарасились на меня, кто холодно, кто с откровенным любопытством. Все, что мне оставалось, – натянуть улыбку и распрямить плечи.

Но я не смогла удержать вежливую улыбку, когда в соседнюю ложу вошла молодая пара. Кавалер был одет как и прочие, прелести дамы прикрывала лишь тонкая дымка платья – точнее, не прикрывала вовсе. Посмотреть действительно было на что – будь я мужчиной, наверное, приклеилась бы взглядом.

А на голове у дамы красовалась коническая шляпа, точь-в-точь что я рисовала сегодня модистке, но сделанная из шелка.

– Ольга Николаевна, – шепнул мне Виктор. – Считается одной из первых красавиц в округе. Ее муж, Денис Владимирович.

Мужчина поклонился мне. Его спутница широко улыбнулась, но глаза остались ледяными, презрительными. Может, Настеньку и смутил бы этот взгляд, но я лишь изо всех сил старалась не засмеяться.

– Настенька, рада тебя видеть. – Ольга поправила сверкающий браслет на запястье. – Здорово ли ты? Так похудела! Я слышала, ты тяжело болела, и очень переживала за твое здоровье.

Я широко улыбнулась: наконец-то можно не пытаться сохранять невозмутимость.

– Твоими молитвами, Оленька. Я прекрасно себя чувствую. И твое беспокойство я оценила, ты так переживала, бедняжка, что и двух строк написать не смогла.

Виктор за моей спиной закашлялся. Ольга вернула мне улыбку, поправила жемчужные нити, уходящие между грудей.

– Мне показалось, ты все еще нездорова... Ах нет, это платье. Я еще осенью говорила тебе, что оно придает лицу болезненный оттенок.

– А у тебя новая шляпка?

– Да, мне специально привезли ее из Лангедойля. – Она кокетливо поправила локон.

Не знаю, чего мне стоило не расхохотаться.

– Какая прелесть! Пожалуй, зря я надела платье, которое меня бледнит. Не хотелось выглядеть розовощекой, как крестьянка на морозе. Но если в Лангедойле вошли в моду такие шапки, значит, образ мужички становится популярен?

– Не понимаю, о чем ты.

– Ну как же. Это крестьянская шапка. Такие на востоке носят женщины и мужчины, работающие на рисовых полях.

Спутник Ольги нахмурился, и я готова была поспорить, что он размышляет о размере счета. Сама Ольга пошла красными пятнами, но сумела изобразить улыбку.

– Должно быть, ты что-то не так поняла.

– Князь показывал мне рисунки в журнале о путешествиях. – Я с улыбкой оглянулась на Виктора. – Правда, возлюбленный супруг мой?

– Не припомню, моя дражайшая жена. – Во взгляде мужа прыгали смешинки. – Но, если ты так говоришь, значит, так оно и было.

В ложе по другую сторону от нас рассмеялись. Я оглянулась. Пышнотелую даму в старомодном платье с узкими рукавами, расширяющимися от локтя, и талией на причитающемся ей месте я не помнила, но не узнать по описанию не могла. За глаза ее называли «генеральшей» – и, как я поняла, вовсе не по чину одного из покойных мужей.

– Рад вас видеть, Мария Алексеевна, – опередил меня Виктор.

Я тоже улыбнулась женщине. Хотя по лицу ей можно было дать не меньше шестидесяти, назвать ее старухой не поворачивался язык – столько жизнелюбия и энергии в ней было.

– А я тебя нет, князь. – Она погрозила Виктору пальцем. – Почто жену свою в деревне заточил почти на весь сезон?

Мне стало интересно, как выкрутится муж, но женщина не стала ждать его ответа.

– Говорила я тебе, видели глазки, что покупали. Не нравится, что жена резва не в меру, так взял бы какую старую деву. А то женился на жар-птице и удивляется, что она не ведет себя как курица. – Она обернулась ко мне. – А ты, княгинюшка, тоже хороша. Муж у тебя всем на зависть: красивый, богатый, верный...

– Вы ему свечку, что ли, держали? – не выдержала я. Но почему-то обижаться на такое бесцеремонное вмешательство в личную жизнь не хотелось.

– Уж поверь мне, я трех мужей схоронила, а уж сколько... – Она хмыкнула, не договорив.

– Шутиха старая, – прошипели из ложи Ольги.

– Не любо – не слушай, а врать не мешай! – отрезала Мария Алексеевна. – Я, может, и шутиха, да в крестьянские шапки не ряжусь. – Она снова обратилась ко мне.

– Так вот, ежели ты хотела мужа ревностью подразнить, чтобы он больше тебя ценил, то только хуже сделала. Князь твой из тех, что, раз кого разглядев, в сторону и не посмотрит, но и себе цену знает. Ну да, я вижу, ты сама это поняла. Больше уж так не глупи.

Может быть, она хотела сказать что-то еще, но тут начал открываться занавес и все захлопали, а на балконе, где толпилась публика попроще, затопали ногами и засвистели. К моему удивлению, свет не погас. Я огляделась и в который раз обругала себя за привычки своего времени. Это электрические лампы можно притушить, лишь повернув выключатель, а в здоровенных люстрах на десятки свечей каждую свечку нужно гасить специальным колпаком на длинной палке. А в антракте как-то снова зажигать.

Я обратила внимание на сцену, однако происходящее быстро мне надоело. Пьеса сама по себе была хороша, но исполнение навевало мысли об утреннике в детском саду. Или, если быть чуть более справедливой, о театре кабуки, где смысл не в мастерстве перевоплощения актеров, а в символах, каждое слово и каждый жест выверены – и абсолютно ненатуральны. Актеры заламывали руки, громко восклицали, герой и героиня, признаваясь друг другу в любви, рухнули на колени, приведя зал в полный восторг.

– Ты, кажется, скучаешь, – шепнул мне на ухо Виктор.

Я смущенно улыбнулась.

– Ты не мог бы достать мне текст этой пьесы? Мой внутренний голос бесится, когда читает не он.

Что ответил муж, я не услышала: все захлопали, кто-то закричал, и актриса тут же начала повторять трогательный монолог. От скуки я опять стала разглядывать людей и вздрогнула, обнаружив в ложе напротив Стрельцова, который сверлил взглядом не то меня, не то Виктора.

Заметив, что я его увидела, граф с улыбкой поклонился мне и вышел из ложи. Все снова захлопали, начался антракт.

– Я все же схожу за мороженым, – заговорил было Виктор, но, прежде чем он успел встать, в ложу зашел исправник.

– Княгиня, вы очаровательны.

Они с Виктором обменялись парой ничего не значащих фраз, потом Стрельцов сказал:

– Я послал вам записку, но, увидев здесь, не удержался и решил лично попросить вас завтра заглянуть ко мне в присутствие. Ваша затея удалась.

– Поймали! – ахнула я. – Кто он?

Глава 10

– Не стоит портить представление делами, – встрял Виктор, и я сообразила, что каждое наше слово слышно в соседних ложах, а завтра будет известно всему городу. Что будут судачить про «крестьянскую шапку» – не мои проблемы, а вот о том, что посторонние шастают в моем поместье по ночам, кому попало знать не обязательно.

– Да, прошу прощения, – согласился Стрельцов.

То есть как это «прошу прощения»? А мне до утра умирать от любопытства, гадая, кого они там изловили?

– Я устала и хочу домой! – произнесла я тоном капризной девочки.

– Не правда ли, красоту этой пьесы способен оценить не каждый? – обратилась к своему спутнику Оленька из соседней ложи. Что он ответил, я не стала слушать, потому что Стрельцов заговорщицки улыбнулся Виктору.

– В самом деле, здесь становится душно, даже у меня, здорового мужчины, затылок ломит, а княгиня так недавно тяжело болела.

Вообще-то я давно была здорова как конь, точнее, кобыла, но говорить это вслух явно не стоило.

– Действительно, душно, – согласился Виктор. – Пожалуй, мы и правда поедem домой.

– Я тоже. Пойду попрошу придверника поймать для меня извозчика.

– Кирилл Аркадьевич, если вы оставляете выезд своим родственникам, можете воспользоваться нашей каретой, – улыбнулся Виктор.

– Если я вас не стесню...

– Нисколько. Настенька...

– Мы с мужем будем очень рады вашему обществу, – прощбетала я.

По дороге к выходу Виктору и Стрельцову пришлось то и дело останавливаться, кланяясь знакомым. Почему-то дам в коридоре я почти не увидела, только несколько пар, как и мы, покидали спектакль. Видимо, женщинам было неприлично выходить из ложи во время антракта, не просто же так Виктор сам собирался сходить в буфет за мороженым для меня.

Мы подождали немного в холле, пока придверник кликнет наших слуг с верхней одеждой. Наконец мы втроем устроились в карете. Виктор рядом со мной, исправник – напротив, спиной по ходу движения.

– Кого же вы изловили? – поинтересовался Виктор, когда карета тронулась.

– Обещайте, что не будете с ним стреляться, – вместо ответа попросил урядник.

– Зайков, – прошипел муж.

– Как Зайков? – оторопела я.

Я была уверена, что «домовой» – доктор. Зайков, высокий и широкоплечий, не укладывался у меня в образ ночного вора.

Хотя ведь я могла уже и сама себя запутать: видела человека один раз, несколько недель, а то и месяц назад, в полутьме.

– Зайков, – подтвердил исправник.

– И утверждает, что приехал потому, что моя жена назначила ему свидание.

Я проглотила ругательство.

– Именно, – кивнул Стрельцов. – Заявление это – очевидная глупость, но...

– Представляю, что начнется, когда он предстанет перед судом. Нет, раньше, когда вернется домой и станет жаловаться направо и налево.

– В смысле, вернется домой? – снова не поняла я. – Разве он не будет сидеть до суда?

Стрельцов пояснил:

– Ничего не украдено, жертв нет, объяснение вполне правдоподобное.

– Но я не...

– Вы это знаете, я вам верю, и Виктор Александрович, надеюсь, тоже. Но, само собой разумеется, вы стали бы все отрицать, даже если бы действительно назначили ему свидание и решили на него не являться. Крестьянину проникновение в дом, конечно, с рук бы не сошло. Но Зайков – дворянин. Завтра придется выпустить его под домашний арест. До суда.

Гуманисты бы сказали, что это замечательно. Но я никогда не отличалась особой гуманностью по отношению к типам, которые не умеют держать хватательные и совательные конечности при себе.

Виктор мрачно хмыкнул.

– А наш судья сам в отношениях с замужней дамой, и, конечно, он будет на стороне «несчастливого влюбленного». Я даже не уверен, что это дело стоит доводить до суда. Анастасию смешают с...

– Меня в любом случае смешают с известной субстанцией, – не выдержала я. – Как это уже было.

Я обернулась к Виктору.

– Ты знаешь правду, остальное неважно.

Муж сжал мою ладонь.

– Знаю. Но кумушек это не остановит. Молодая и красивая женщина – идеальный объект для сплетен.

Стрельцов вздохнул.

– Дамы любят его... И история о несчастном влюбленном и коварной соблазнительнице, которая дала ему надежду... Простите, Анастасия Павловна.

– Я не давала ему никаких надежд! – взвилась я. – Это ему явно приспичило нарисовать звездочку на фюзеляже!

– Прошу прощения?

– Я не давала ему никаких надежд, – повторила я. – История о якобы назначенном свидании – очевидная ложь, он прекрасно знал, что я в городе. И вы знаете, что это ложь.

– Но доказать это мы не можем.

– Можем, и легко.

– Настя, помолчи, – резко оборвал меня муж. – С этим надо решить раз и навсегда, и не болтовней.

«Только посмей!» – хотелось крикнуть мне, но очевидно было, что не подействует. Хуже того, Виктор может решить, что я пытаюсь выставить его трусом перед исправником, и начнет доказывать, что это не так.

Пропади оно пропадом, это хрупкое мужское самолюбие!

– Виктор Александрович, напоминаю, что я представитель власти, и я не могу одобрить дуэль, какой бы обоснованной ни была причина. Больше того, я должен всячески воспрепятствовать такой возможности.

– Кто-то говорит о дуэли? – с деланным удивлением сказал муж.

– Я говорю. И вы ушли от ответа на мою просьбу не вызывать Зайкова. Поэтому я вынужден превратить просьбу в требование. Дайте мне слово, что не пошлете ему вызов. Иначе мне придется потребовать домашнего ареста и для вас.

– Вы не посмеете!

– Посмею. Как ни унизителен домашний арест, это все же лучше, чем петля, которая полагается за поединок по закону.

Нет, ну что у мужчин за манера по любому поводу проделывать друг в друге дырки?

– А разве покушение на убийство не является поводом для ареста? – спросила я.

– Ареста и казни, что я безуспешно пытаюсь втолковать вашему супругу. Может, хоть вы сможете уговорить его быть благоразумным.

– Строгость законов в Рутении компенсируется необязательностью их исполнения, – фыркнул Виктор.

– Не когда я исправник.

– Но не судья, – не унимался муж.

– Я говорю не о возможной дуэли, – вмешалась я. – Я говорю о попытке убийства князя Северского.

– Убийства? – подобрался Стрельцов, и одновременно муж воскликнул:

– Настя!

– Эта попытка еще и доказательство, что Зайков прекрасно знал о моем пребывании в городе, – продолжала я. – И что ни на какое свидание я его не звала. Есть свидетели...

– Замолчи немедленно!

– И не подумаю! – возмутилась я. – Я не собираюсь становиться молодой богатой вдовой только потому, что у моего мужа гордыня в заднице играет!

Кажется, это было грубо, потому что Стрельцов уставился на меня с изумлением. Но мне было все равно.

– Если уж ты так бережешь мою репутацию, подумай о том, что с ней станет, если тебя застрелят! В бедную Наталью Николаевну только ленивый не бросил камень, как будто мало ей было горя!

– Кто такая Наталья Николаевна? – полюбопытствовал Стрельцов.

– Знакомая моих знакомых. – И правда, есть ли среди моих знакомых те, кто никогда не слышал о Наталье Николаевне? – Осталась вдовой с четырьмя детьми, и все, кто знал ее мужа, обвинили...

– Анастасия, хватит. – В голосе мужа прозвучало столько холода, что я едва не поежилась, хотя в карете было тепло. – Кирилл Александрович, прошу прощения, что вы стали свидетелем семейной сцены. Моя жена слишком остро воспринимает все после болезни.

– Еще скажи, что я вру! – молчать я не собиралась.

– Я не желаю больше говорить на эту тему.

– А я не желаю рыдать на твоих похоронах! – Я повернулась к Стрельцову. – Вчера вечером...

– Настя, еще одно слово, и я очень, очень рассержусь.

Стрельцов стукнул в стенку кареты.

– Останови, я сойду! – Он улыбнулся, словно мы все еще были в театре и болтали о пустяках. – Князь, княгиня, спасибо за приятную и познавательную беседу.

– Зачем ты влезла в мужской разговор?! – взорвался Виктор, когда за исправником закрылась дверь и карета снова покатила по дороге.

– Затем, что он касался меня! – тоже не стала сдерживаться я.

– Чем он тебя касался? Тебе подставляться под пули?! И не лезь не в свое дело!

– Не подставляйся! – перебила я его. – Об этом я тебе и талдычу!

– Во-первых, вызов уже послан. Во-вторых, иначе тебя назовут блудницей, а меня рогоносцем.

– Как будто меня и так ею не назовут! Ты говоришь «не касается». Но это меня будут поливать во всех гостиных, как бы ни обернулась ситуация! Это мне придется разбираться, если тебя ранят или, того хуже, убьют!

– Что ты заладила, будто кликуша: «Убьют!» Хватит каркать!

– Теория вероятности не показывает связи между высказыванием прогноза и его исполнением! – Я поспешно поправила: – Пуле наплевать, говорят о ней или нет!

Но мужу уже были неинтересны любые теории.

– Если боишься потерять содержание, я напишу новое завещание перед поединком.

От возмущения я потеряла дар речи. Все, что смогла, – перескочить на переднее сиденье, подальше от этого... этого... и каким-то образом не залепить ему пощечину. Которую он заслужил, между прочим, хотя я всегда считала рукоприкладство ниже своего достоинства.

– Напишешь завешание, значит...

– Да, и ты получишь куда больше обычной вдовьей доли.

– На гербовой бумаге...

– Конечно, – сухо подтвердил муж.

– Отлично, она пожестче будет. – Мое терпение лопнуло. – Знаешь что? Если у тебя не хватает ума понять, что я боюсь потерять не деньги, а тебя, то возьми свое завешание, скомкай, засунь себе поглубже и проверни! Хотя вряд ли это прибавит тебе мозгов!

– Настя, успокойся немедленно, или ты завтра же вернешься в деревню!

– Напугал ежа голой... ягодиной мышцей! – Я уже не могла спокойно сидеть, подскочила, больно стукнулась макушкой о верх кареты, но это только сильнее меня разозлило. – Я сейчас же отправлюсь домой, только...

Карету тряхнуло на камне, и я, потеряв равновесие, полетела прямо на мужа. Не знаю, каким чудом в последний миг сумела опереться не на него, а на стенку над его плечом. Виктор подхватил меня за талию под распахнувшимся тулупом, но вместо того, чтобы оттолкнуть, потянул на себя, и я, сама не поняв как, очутилась верхом на его коленях. Юбка, натянувшись, затрещала, я ойкнула, попыталась отшатнуться, но муж не выпустил.

– Никуда ты не поедешь. – В его голосе промелькнули хриплые нотки, отозвались мурашками по коже.

Нет, это оттого, что тулуп распахнулся. Хотя тогда бы стало холодно, а меня обдало жаром от его взгляда.

– Почему это? – Мой голос тоже сел.

– Потому что я тебя никуда не отпущу, – выдохнул муж в мои губы.

Притянул меня за затылок уже знакомым жестом, и я подалась навстречу. Злость все еще бурлила внутри, и поцелуй вышел жестким, напористым, жадным, и снова никто из нас не хотел ни сдаваться, ни разжимать объятия. Тулуп слетел на сиденье напротив, но жар ладоней мужа, скользивших у меня по спине, не давал замерзнуть.

– Не сейчас... – выдохнула я, когда мы оторвались друг от друга, чтобы глотнуть воздуха. – Ребро...

– В бездну ребро, – хрипло отозвался он, целуя мою шею.

Карета остановилась.

– Приехали, ваши сиятельства, – окликнул Герасим.

Глава 11

Я вылетела из кареты, забыв и про тулуп, и про прореху на платье. В прихожей тихо ахнула Дуня, что-то спросила вслед, но мне было не до нее. Жар заливал лицо, стоило только подумать, что Герасим наверняка все слышал и все понял. Пропади оно пропадом, это богатство, если к нему прилагается толпа вольных и невольных согладатаев!

Мне казалось, что быстрые шаги за спиной я не слышала, а чувствовала всем телом, между нами словно натянулась невидимая наэлектризованная струна. Я не удивилась, когда в шаге от будуара Виктор перехватил меня за плечо, разворачивая, прижал к стене, нависая всем телом. Не знаю, чего мне больше хотелось – обнять его или оттолкнуть, но я не сделала ни того, ни другого, неловко опустила руки, чтобы не задеть место травмы.

– Мы не закончили, – промурлыкал муж, склоняясь к моим губам.

– Невозможный ты человек, – выдохнула я, когда удалось отстраниться. – Я даже отпихнуть тебя не могу, не зная, где сломано.

Он тихонько рассмеялся.

– Как удачно, что у меня такая заботливая жена.

Я ткнулась носом в его шею. Запах его одеколона – пряный, с легкой горчинкой, и одновременно свежий, как трава после дождя, – закружил голову не хуже поцелуя.

– Просто я знаю, как это больно, – попыталась я воззвать к здравому смыслу.

– Ребра – не орган любви.

Он приподнял мой подбородок, начал покрывать лицо поцелуями – неторопливо, дразняще, и когда его губы снова накрыли мои, колени едва держали.

Палантин соскользнул с плеч. Виктор потянул меня в будуар. Шторы уже опустили, и я вцепилась в его руку, чтобы не споткнуться в кромешной тьме. Муж щелкнул пальцами, искра на миг ослепила, а когда я проморгалась, обнаружила себя на козетке, и теплые блики свечи играли на лице Виктора, который устроился рядом.

Света одновременно было и слишком мало, и слишком много, огоньки двоились, множились в зеркалах, сплетаясь с тенями.

Я потянулась к шейному платку Виктора, пальцы едва слушались от нетерпения, а когда его руки коснулись моих, помогая справиться с узлом, будто ток пробежал по телу, отдаваясь внутри сладкой дрожью. Шелковый лоскут улетел в полумрак, Виктор склонился к моей шее.

– Моя невыносимая... – Горячий шепот перемежался поцелуями. – Невозможная... совершенно невероятная жена...

Он опустился на колени перед кушеткой. Сдвинул платье с моего плеча, прохладный воздух комнаты коснулся кожи, и на контрасте прикосновение разгоряченных губ к шее, ключицам, груди ощущалось острее, ярче. Я справилась с застежкой его фрака, завозилась с жилетами... попадись мне сейчас тот умник, который додумался до этой моды – носить сто одежек, и все с застежками! Не выдержав, я дернула, пуговица застучала по полу. Виктор рассмеялся низким, бархатным смехом.

– Я пришью, – прошептала я, целуя его кожу в вырезе рубахи.

– Какие странные вещи тебя волнуют. – Он спустил мое платье еще ниже, высвобождая грудь, приник к ней. Мурлыкнул: – А сейчас?

Я застонала, запрокидывая голову.

– Вот так-то лучше, – усмехнулся он, потянул одежду с другого моего плеча, опуская до талии.

Руки выводили узоры по моему телу, он то прихватывал мою кожу зубами, то нежно заливал укус, то касался губами совсем невесомо, так что я потеряла чувство реальности. Осталось лишь мерцание свечей, его прикосновения, неровное дыхание и бешеный стук сердца.

Сама ли я освободилась от остатков одежды или муж помог мне? Хотелось вцепиться в его плечи, но каким-то краем сознания я помнила, что могу сделать больно, и потому откинулась на кушетке, опираясь на выпрямленные руки. По телу пробежал то холод, то жар, и меня просто трясло от желания. А Виктор, точно издеваясь, отстранился, заглядывая мне в лицо, и только пальцы его тихонько играли с моей грудью.

– Хватит! – простонала я.

– Хватит? – приподнял бровь он. Коснулся там, где все уже изнывало от страсти, без-
ошибочно нашел самое чувствительное место, и я застонала.

– Вот так, хорошая моя, – выдохнул он, притягивая мои бедра к себе.

Я вскрикнула – слишком резко это было, и одновременно слишком хорошо. Распахнула глаза – снова колыхнулся огонь, высветив в зеркале полуобнаженное тело мужа. Свет и тень словно ласкали мышцы, перекатывающиеся под кожей, подчеркивая каждое движение, каждое сокращение ягодич, когда он толкался внутрь меня, вырывая стоны, и зрелище это заводило еще сильнее. Я плавилась в его руках, растворялась в ощущениях. Время, казалось, замедлилось, обтекая нас, оставив лишь древний как мир ритм любви.

Виктор склонился к моему уху, не переставая двигаться, прихватил зубами мочку уха – я всхлипнула. Шепнул:

– Что там?

– Ты... красивый, – выдохнула я, обвивая ногами его талию. – Не... останавливайся.

– В следующий... раз будет... моя... очередь...

Я не дослушала – копившееся внутри напряжение пронеслось по нервам, выплеснулось, сжимая тело в сладком спазме. Муж сбился с ритма, еще несколько толчков, и замер, ткнувшись лицом между моих грудей.

Я привалилась плечами к стене, полuzакрыв глаза, перебирала его волосы.

– Вот видишь. – Он поцеловал ямочку между ключиц. – Ребра для этого вовсе не нужны. Я фыркнула.

– Ты невыносим.

– Как и ты, любовь моя. – Он поймал мою руку, поцеловал ладонь. – Как и ты.

Просыпаться не одной – Мотя не считается! – было странно. Странно ощущать рядом живое тепло, тихое дыхание, знакомый, но пока непривычный запах. Шторы оказались затворены неплотно, и золотисто-розовый утренний свет пробрался в комнату. Какое-то время я разглядывала в этом свете чеканный профиль, тень от густых длинных ресниц – спрашивается, зачем мужчине такие ресницы, аж завидно! Во сне лицо мужа разгладилось, стало мягче и моложе.

Словно почувствовав мой взгляд, Виктор открыл глаза.

– Доброе утро, – улыбнулась я.

– Доброе.

Он притянул меня в поцелуй, неторопливый и нежный. Наконец оторвавшись, потянулся, выгибаясь. Одежда сползла до талии, и я едва удержалась, чтобы не погладить его по поджарому животу, словно кота по пузику. В следующий миг я перевела взгляд на его грудь, пытаюсь сообразить, что не так.

Как я и предполагала, повязку муж сбросил еще до поездки в театр, устав от нее, и сейчас я могла любоваться синяком слева от грудины. Я невольно поежилась, и это не ускользнуло от мужа.

– Что случилось?

– Ничего. – Я осторожно коснулась кожи рядом с кровоподтеком. Что-то определенно было не так, но эмоции мешали мне мыслить здраво.

– Ты изменилась в лице.

Внимательный, зараза!

– Я подумала, что было бы, не подвернись та пуговица. И не будь твоей магии. Сломанным ребром ты бы не отделался.

– Твоей магии. – Виктор взял мою руку, лежавшую у него на груди, поднес к губам. – Но сейчас уже не о чем волноваться.

Я кивнула. Не о чем, если не думать о возможных осложнениях.

– Еще вчера я почти забыл про боль. А сегодня и вовсе прекрасно себя чувствую.

Будто желая подтвердить свои слова, Виктор резко сел.

Слишком резко для человека со сломанным ребром. Я вспомнила, как пару минут назад он потягивался, будто кот.

Вот оно, что «не так»? Да и вчера он был слишком резв... Не то чтобы я возражала, но, по моему опыту, переломы ребер болят минимум неделю, а чаще – две. И так сладко потягиваться они не позволяют.

Муж как был, в чем мать родила, двинулся к окну, и на несколько мгновений все неувязки вылетели у меня из головы. Особенно когда он рывком раздвинул штору, и солнце облекло широкоплечий силуэт теплым сиянием. Но плечи мужа как-то нехорошо напряглись. Он дернул форточку и гаркнул в окно:

– Прокопий! Хорош лясы точить!

– Виноват, барин! – донеслось со двора. Следом раздалось шарканье метлы.

Когда муж обернулся, брови его сошлись на переносице. Но меня изумило вовсе не выражение его лица. Синяк, оставленный пуговицей и пулей, переливался зелено-желтым.

Тогда как обычно до того, как кровоподтек пожелтеет, проходит шесть-семь дней.

– Кто такой Прокопий и чем он тебя рассердил? – поинтересовалась я, чтобы не брякнуть этого вслух. Потом подумаю, что за ерунда происходит, хотя вряд ли до чего-то додумаюсь.

– Садовник и дворник. Как правило я не возражаю, когда слуги болтают с чужими, но не с подчиненными Стрельцова.

– Ты знаешь в лицо всех его подчиненных? – удивилась я. Неужели в городе так мало полиции?

– Не всех, но Гришина знаю.

– Того, который ездил ловить «домового»? – уточнила я.

Виктор кивнул. Подхватив покрывало, завернулся в него, будто в тогу.

– Пойду напишу ему, что об этом думаю. Зря ты вчера... – Он махнул рукой. – Извини, не стоит упрекать за то, чего нельзя изменить.

– Я по-прежнему считаю, что нужно сообщить о том выстреле.

– Настя, не начинай. – Он улыбнулся, словно хотел смягчить резкость своего тона. – Вчера я все сказал, и хватит об этом.

Виктор чмокнул меня в кончик носа.

– Я пришлю в будуар Алексея за своими вещами, так что подожди немного, прежде чем вставать. Дуню я к тебе тоже пришлю, если ее еще нет в коридоре. – Он снова широко улыбнулся. – Сегодня я бессовестно проспал. И вовсе не против проспать и завтра.

Я рассмеялась.

– Я тоже не против. Иди пиши свои письма, пока я не передумала выпускать тебя из спальни.

Он рассмеялся, исчезая за дверью.

Я задумчиво посмотрела ему вслед.

Неужели благословение действует не только на вещи, но и на людей? Тогда понятно, почему Петр выздоровел куда быстрее, чем должен бы. И Марья, получается, рвалась снять гипс не только потому, что он мешался, но и потому, что почувствовала себя достаточно хорошо. Если это так, то и за Феню волноваться не стоит. И можно не беспокоиться по поводу возможной застойной пневмонии у мужа.

Но если все действительно так, почему об этом никто не говорит? Почему нет медицинских курсов для женщин, обладающих этим даром? Почему медицина на таком ужасающем уровне?

Вопросы, вопросы... Я даже обрадовалась появлению Дуни, которая оторвала меня от бесплодных умствований.

Приведя себя в порядок, я прошла на «черную» половину. В девичьей оставалась одна только Феня. Когда я вошла, она подскочила с лавки.

– Барыня, сделайте милость, допустите меня к работе!

Я мысленно хмыкнула. Вчера, вслушиваясь от скуки в болтовню из соседних лож, я запомнила, что крестьян, к которым формально относились и городские слуги, здесь считают ленивыми и склонными к выпивке. Но у меня перед глазами были совсем другие примеры: Марья, Петр, который впрягся в работу, едва поднявшись на ноги, Дуняша, хлопотавшая по дому не покладая рук. Теперь вот Анфиса.

– Скучно мне, – продолжала девчонка. – Бока все отлежала, выпалась на полжизни вперед, вещи и свои, и других девок все заштопала, полотенца подрубила. Разрешите работать!

Глава 12

– А то со штопкой ты баклуши била, – покачала головой я. – Если ты боишься, что за лечение платить не будут, или что больничный... – Тьфу ты! – ...пока выздоравливаешь, ничего не заплатят, я поговорю с Аглаей и с князем.

Фенька всплеснула руками.

– Да что вы, барыня! Аглая уже сказала, что барин велел за эти дни и за доктора ничего не вычитать. Он добрый, барин-то наш. Только я не потому. Это ж разве работа, так, руки занять, а внутри-то все равно тоскливо. Барыня, будьте добренькие, мне не больно совсем!

– Ну давай посмотрим, как у тебя не болит.

Для непосвященного человека белые пленки спавших пузырей, с виднеющейся кое-где влажной ярко-розовой кожей, может, и выглядели бы жутко, однако я отчетливо видела, что заживление идет куда быстрее, чем должно бы. До полного восстановления, конечно, понадобится еще время, но девчонка, похоже, не слишком привирала, говоря, что ей не больно.

– А снова не обваришься? – уже чисто для приличия спросила я.

– Нет. – Феня хихикнула. Зашептала, косясь на дверь: – Аглая сказала Дарье, что за каждый окрик будет медяшку вычитать, да не просто так, а в долю той, на кого Дарья рот разинула. Так она такая вежливая стала, прямо не верится.

Я улыбнулась.

– Вот и хорошо. Если хочешь, можешь идти работать, но если вдруг почувствуешь, что тяжело, не упрямясь.

– Как скажете, барыня!

Фенька выпорхнула в дверь. Я заглянула на кухню, где вовсю кипела работа, и решила, что утренний кофе сварю у себя, на спиртовке.

Правда, возиться с напитком самой Дуня мне не позволила.

– Настасья Павловна, не сердитесь, но барыня вы или как? Ваше дело – командовать. Ладно дома, людей нет, а дел неспорно, но здесь-то что получается: вы будете у кофейника топтаться, а я – сложа руки сидеть?

Пришлось смириться с тем, что я барыня. Сев за рукодельный столик у окна, я перевернула журнал, который давеча пролистывал Виктор.

«Благопристойность сделалась смешною, дамы берут у мужчин уроки анатомии и плавания, – прочитала я. – Плавают при мужчинах в панталонах и жилете из самого тонкого полотна. Учась же анатомии, дамы произносят все технические слова, а мужчина показывает им вещи на статуе... Скромность не позволяет нам сказать большее».

Я отложила журнал, не зная, то ли смеяться, то ли плакать. Какова непристойность – учиться анатомии! Зато вопрос о медицинских курсах для дам с благословенным даром отпал сам собой.

Звать Виктора не пришлось: едва Дуня сняла с огня кофейник, в дверь будуара постучались.

– Признавайся, ты пришел на запах, – рассмеялась я. – Выпьешь со мной кофе?

– Не откажусь. Вообще-то я принес тебе обещанный каталог. – Он тряхнул пачкой бумаг. – Но об этом после кофе.

С четверть часа мы болтали о вчерашнем представлении, старательно обходя все, что касалось Стрельцова и Зайкова. Когда Дуня унесла грязную посуду, муж извлек из кармана халата бумаги.

– Вот, мне сказали, что это самый полный список. Хотя я так и не понимаю, зачем тебе все это.

– Объясню по ходу дела. – Я не удержалась и развернула листы.

Виктор хмыкнул, чмокнул меня в шею и ушел, а я углубилась в списки.

Да это не фабрика, это сокровище! Хлорка, медный купорос, кислоты, «марганцевая известь» – что это такое? Кажется, я видела это название в журнале, только в каком...

Когда муж снова вошел в будуар, я сидела на полу, обложившись журналами, а на столе был почти готов новый список.

В глазах мужа промелькнуло изумление, но вслух он сказал:

– Пришел счет от модистки и письмо от нее же. Я сделал Василию выговор за то, что письмо он тоже отдал мне, а не передал Дуне. Больше это не повторится.

– Спасибо. – Я взяла запечатанный конверт. – Ты просмотрел счет?

– Да, и удивлен твоей скромностью, – улыбнулся муж.

Надо же, я думала, модистка добавит в счет неплохую сумму за эксклюзивность пошива.

– Чувствую себя каким-то скупцом, напугавшим жену, – продолжал он.

– У меня и так полный шкаф нарядов, – фыркнула я.

– Насколько я помню, шкафа-то у тебя как раз и нет. Съезди в ближайшее время к мастеру Воронихину. Закажешь мебель для столовой, да и вообще все, что тебе нужно. Скажешь, чтобы записал на мой счет.

– Спасибо. Но как это все везти?

– Это не твоя забота, – отмахнулся муж. – И даже не моя. Когда все будет готово, мастер наймет телеги и людей, все привезут. Естественно, все это включают в счет.

Я потеряла лоб. Как-то не привыкла я к такому «купи что хочешь, я плачу».

– Что тебя смущает? – встревожился Виктор.

– Я чувствую себя очень дорогой содержанкой, – призналась я.

Муж расхохотался.

– До тех пор, пока ты не начнешь дарить бриллианты горничным, все в порядке. Ты княгиня, в конце концов.

Ох, а Дуняше-то я ничего не купила в подарок! И Петру! И Марье...

– Не думал, что я когда-нибудь стану призывать тебя не к благоразумию, а к новым тратам, – продолжал веселиться муж.

Я распечатала письмо от модистки.

– Она просит сообщить, когда я смогу приехать на примерку, – сказала я мужу. – Чем скорее, тем лучше, чтобы не затягивать работу.

Виктор пожал плечами.

– Решай сама. Я с тобой не поеду, не заставляй меня скучать.

Я кивнула. Мне же спокойнее. Тем более что у меня появилась еще одна идея.

Когда Герасим доложил, что экипаж готов, и мы с Дуней устроились на сиденье, я сказала:

– Сперва отвези меня в управу. К Стрельцову.

Герасим тронул поводья. Спина его выражала недовольство куда яснее лица. Когда мы немного отъехали от дома, он проворчал:

– Барину это не понравится.

– А ты ему не говори, дядька Герасим, – предложила Дуня. – Меньше будет знать – крепче будет спать.

Кучер кхекнул.

– Я-то, может, и не доложу, да без меня длинные языки найдутся. Вон, хоть сегодня какой-то дворник с нашим Прокопием болтал, вроде и просто так, а все в одну сторону выводил: что за шум давеча был да кто стрелял. Ночь была, и то все знают. А утром... Дворник молочнице скажет, молочница с чьей кухаркой поболтает, та горничным растреплет, и понеслось... Наш-то барин не любит, когда слуги о других господах наушничают, да не все такие, как наш.

– Ну что теперь, – вздохнула я. – Князь, конечно, будет недоволен. Но еще больше буду недовольна я, если тот гад, который ночью в сад забрался, все-таки его убьет.

– Кишка тонка! – фыркнул Герасим.

– Если бы... Знаешь, как господа стреляются? С десяти шагов, а то и с шести. Тут даже я не промахнусь, не то что молодой здоровый мужчина.

– «Стреляются», – передразнил кучер. – На такого татя ночного и пули жалко тратить. Выпороть бы его как следует, чтобы помнил, да нельзя, ежели барин.

Мы объехали рыночную площадь боковыми улицами, миновали еще квартал и оказались на церковной площади. Купола сияли так, что я сощурилась, вот только на наверху их сверкало на солнце почти настоящим огнем пламя с тремя языками. Дуня приложила руку к груди, губам и ко лбу, я повторила движение. Если местный бог есть, этот жест подобающ, если нет – безвреден.

Лошадка бодро зацокала копытами – края площади у церкви и двухэтажного здания, к которому мы подъезжали, оказались вымощены булыжниками, в центре же простиралась непролазная весенняя грязь, и прохожие жались к церковной ограде, обходя ее. Зато у двухэтажного здания с надписью «Уездный суд» не было никого: люди явно не желали лишний раз иметь дело с властями.

Может, и мне не лезть? Виктор, в конце концов, взрослый мужчина, и...

Я тряхнула головой, отгоняя малодушную мыслишку, и, чтобы отвлечься, начала разглядывать здание. Первый этаж выделялся рельефной кладкой – глубокие борозды между камнями создавали впечатление, будто стены сложены из грубых глыб. Второй этаж выглядел наряднее: между высокими окнами с полукруглым верхом шли плоские декоративные колонны, будто вросшие в стену. Над центральным входом красовалась небольшая полукруглая ниша с затейливым узором.

Герасим натянул вожжи.

– Приехали, барыня.

Я спрыгнула на мостовую, устремилась к широкому крыльцу. По бокам от него стояли медные столбики с цепями, не то огораживая, не то подчеркивая важность места. Не давая себе опомниться, я взлетела по трем ступенькам, дернула на себя тяжелую темную дверь. Замешкалась в полумраке вестибюля: в какую сторону идти?

– Вам кого надобно, сударыня? – окликнул меня пожилой служитель в поношенном сюртуке, выглянув из-за конторки. – По какому делу?

– К графу Стрельцову. – Я постаралась, чтобы голос звучал уверенно. – По важному делу.

– Их сиятельство занят-с, – с явным удовольствием протянул служитель, оглядывая мое простое дорожное платье. – Извольте обождать.

Я прошла к длинной лавке у стены, на которой уже скучал какой-то проситель в потертом кафтане. Присела с краю, расправила юбки.

Вестибюль был небольшой, но с претензией: вдоль стен тянулись деревянные панели, на подоконниках пылились горшки с чахлой зеленью, а над конторкой красовался портрет императрицы. Несколько минут я разглядывала дородную даму с лентой через плечо. Служитель что-то сосредоточенно писал, то и дело макая перо в чернильницу. В глубине коридора мелькали какие-то тени, слышались приглушенные голоса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.